

Ю. Г. АЛЕКСЕЕВ

МЕЖЕВАЯ КНИГА ВОТЧИН ТРОИЦКОГО СЕРГИЕВА МОНАСТЫРЯ (1557—1559 гг.)

В поместном фонде ЦГАДА хранится межевая книга вотчин Троицкого Сергиева монастыря, сравнительно мало известная в литературе.¹ Эта книга впервые упомянута в «Описании документов и бумаг» Московского архива Министерства юстиции.² Согласно системе описания писцовых и межевых книг, принятой в этом томе, межевая книга названа здесь в составе книг разных уездов под разными номерами (№ 1294 — Москва, № 1979 — Переяславль и т. д.). Такая система описания затрудняет представление о книге в целом, в чем, может быть, одна из причин ее сравнительно малой известности. Она была известна переяславскому краеведу М. И. Смирнову.³ К материалам этой книги обращался также В. Б. Кобрин в своем исследовании о составе опричного двора Ивана Грозного.⁴

Книга представляет собой том в кожаном переплете, размером 20.0 × 14.5 см. Пронумеровано 222 страницы. Текст книги — на страницах 1—219; некоторые страницы не заполнены. Текст самой книги начинается словами: «Лета 7060 шестого по цареву и великого князя Ивана Васильевича всеа Русии наказному списку князь Ондрей Иванович Стародубский с товарищи Троицкие Сергиева монастыря села и деревни и починки и пустоши и селыща в разных городах межевали ото всех земель». На л. 81 — заголовок второй части: «Лета 7066 и лета 7067. По цареву и великого князя Ивана Васильевича всеа Русии слову и по на-

¹ ЦГАДА, ф. 1209, кн. № 254.

² Описание документов и бумаг, хранящихся в Московском архиве Министерства юстиции, кн. I. СПб., 1869; см. также: В. Н. Шумилов. Обзор документальных материалов Центрального государственного архива древних актов по истории СССР периода феодализма XI—XVI вв. М., 1954, стр. 173 и сл.

³ М. И. Смирнов. Указатель рукописных и изданных документов Переславль-Залесского края, ч. I, Акты XIV—XVI вв. Доклады Переславль-Залесского научно-просветительного общества (Пезанпроб), вып. 12. Переславль-Залесский, 1924, № 258.

⁴ В. Б. Кобрин. Состав Опричного двора Ивана Грозного. Археографический ежегодник за 1959 г. М., 1960, стр. 16—91.

казному списку князь Петр Борисович Ромадановской с товарищи Троицкие Сергиева монастыря села и деревни и починки и пустоши и селища и отхожие пожни межевали ото всех земель в уездах разных городов».

Межевания в книге пронумерованы черными чернилами почерком XVIII в. Всех номеров 298, однако некоторые межевания пропущены при нумерации. После каждого межевания делается пропуск в тексте — от нескольких строк до страниды и больше. На всех листах внизу — подпись-скрепа Муртазы Микитина сына Чафарова. Из общего числа пронумерованных межеваний 94 относятся к первой части книги — межеванию кн. А. И. Стародубского, начиная с № 95 следует вторая часть — межевание кн. П. Б. Ромодановского.

Листы книги в некоторых местах перепутаны при сшивании. Так, после л. 55 — межевание № 63: деревни Берсенева — должен идти л. 58, содержащий окончание этого межевания и начало следующего. После л. 58 должен идти л. 56, затем — л. 57, а после него — л. 59.⁵ Подобным же образом устанавливается, что л. 62 должен идти после л. 60, а л. 61 — после л. 63. Эта последняя перестановка замечена хранителем рукописи в XVIII в.: его рукой сделаны соответствующие пометы на л. 63 об. и л. 61.

Порядок расположения межеваний в книге следующий:

І часть

№№ 1—24	— Московский уезд (станы Вежетский и Бохов)
№№ 25—74	— Переяславский (станы Кистемский, Тошменский и Новосельский)
№№ 75—82	— Ростовский уезд (Печехотский стан)
№№ 83—93	— Костромской уезд (Шачебальский стан)
№ 94	— Ярославский уезд (ру ^с еж с Костромским)
№ 94-а ⁶	— Костромской уезд (Шачебальский стан)

ІІ часть

№№ 95—138	— Костромской уезд (станы Шачебальский, Андомский и Верхний Березовец)
№№ 139—163	— Галицкий уезд (станы Усольское Верховье и Лосево Раменье)
№№ 164—256	— «Села и деревни, что около монастыря пришли в разных станех» — в основном Переяславского уезда (станы Мишутин, Верхдубенский и Кинель)
№№ 257—282	— Юрьевский уезд (станы Залутский и Шуткин)
№№ 283—298	— Суздальский уезд (Польский стан)

⁵ Помимо текста межеваний, в этом убеждает и скрепа на нижних полях листов: л. 55 — Муртаза, л. 56 — Чафаров, л. 57 — Муртаза, л. 58 — Микитин сын, л. 59 — Микитин сын. Ясно, что «Микитин сын» (л. 58) должен идти между «Муртазой» (л. 55) и «Чафаровым» (л. 56).

⁶ В рукописи не пронумерован.

Дошедший до нас памятник представляет собою, по-видимому, хорошо сохранившуюся официальную заверенную копию подлинной межевой книги, составившейся двумя последовательно работавшими комиссиями межевщиков. Обе комиссии действовали по повелению и по инструкции верховной власти, что придает их деятельность особую значимость.

50-е годы XVI в. — время крупной земельной и податной реформы, с которой было тесно связано широко задуманное описание земель.⁷ Так, в частности, установлено, что именно в эти годы — 1557/58 и 1558/59 (7066 и 7067), к которым относится работа межевщиков кн. А. И. Стародубского и кн. П. Б. Ромодановского, были описаны уезды Переяславский, Суздальский и Галицкий.⁸ Межевая книга дополняет сведения об описаниях 50-х годов, упоминая ростовских писцов В. Гиреева и О. Облезцова.⁹ Это те же лица, которые описывали соседний Переяславский уезд.¹⁰ Возможно предположить, что деятельность царских межевщиков была, если не формально, то по существу связана с деятельностью писцов и сопутствовала ей, т. е., что описание земель уезда и межевание их составляли как бы две стороны одного и того же правительственного мероприятия, направленного на упорядочение аграрных отношений, в данном случае применительно к вотчинам крупнейшего церковного землевладельца — Троицкого монастыря. Необходимо отметить, что несколько ранее, в 1556/57 г., другая комиссия — кн. И. Д. Ростовского и того же подьячего М. Чафарова — межевала по царскому наказному списку земли Троицкого Сергиева монастыря в уездах Бежецком, Дмитровском, Кашинском, половине Костромского, Ростовском и Углицком.¹¹ Таким образом, в 50-х годах XVI в. была размежевана большая часть троицких вотчин.

Наиболее полно представлен в межевой книге № 254 Переяславский уезд, к которому относится около половины всех межеваний, приведенных в книге. В этом уезде размежеваны все изве-

⁷ См., например: И. И. Смирнов. Очерки политической истории Русского государства 30—50-х годов XVI в. М.—Л., 1958, стр. 424 и сл.

⁸ Там же, таблица на стр. 432.

⁹ Межевая книга, № 81.

¹⁰ П. Н. Милюков. Спорные вопросы финансовой истории Московского государства. СПб., 1892, стр. 164 (таблица). Ссылки на этих переяславских писцов есть и в разбираемой межевой книге. Как можно установить, Андрей Облезцов и Андрей Лодыгин — одно и то же лицо, Андрей Васильевич Лодыгин, сын Василия Обяза Семеновича (Воемичик Московского общества истории и древностей Российских, кн. X. М., 1851 (далее — ВОИДР), стр. 86, 159); генеалогия Лодыгиных в этих родословцах сильно спутана — пропущено одно поколение. Описание Ростовского уезда из других источников неизвестно.

¹¹ ЦГАДА, ф. 1209, кн. № 20.

стные по актам владения Троицкого монастыря. Это дает возможность сделать опыт сопоставления материалов межевой книги с более ранним актовым материалом конца XV—начала XVI в. При таком сопоставлении можно использовать наиболее сильную сторону межевой книги как источника по истории аграрных отношений. Не давая, в отличие от писцовых книг, никакого цифрового материала и не сообщая почти никаких сведений о составе межеуемых владений, межевая книга имеет, однако, то преимущество, что она более полно, чем какой-либо другой источник, показывает упоминаемые в ней владения в окружении их соседей, в их, так сказать, социально-географической среде. Именно это свойство межевой книги может помочь проследить те изменения, которые произошли в составе землевладельцев Переяславского уезда за первую половину XVI в.

Межевая книга содержит сведения трех родов. Это, во-первых, сведения о троицких землях, во-вторых, сведения о соседних землях и, в-третьих, сведения о владельцах этих последних. Состав троицких вотчин хорошо известен в источниках. Если обширный актовый материал освещает отдельные моменты в истории земельных владений Троицкого монастыря, то сохранившаяся сотная с письма начала 60-х годов XVI в. дает подробное представление о составе троицких вотчин в целом.¹² Ничего существенного к этим сведениям межевая книга не добавляет.

В ином положении в источниках находятся сведения о светских феодальных владениях и о черных волостных землях. Светские феодалы-землевладельцы фигурируют в многочисленных актах, связанных с Троицким монастырем. Однако составить по этим актам сколько-нибудь цельное представление о светских феодальных владениях крайне затруднительно в силу самого характера актового материала. Светские феодалы появляются в актах только тогда и постольку, когда и поскольку они вступают в те или иные сделки с Троицким монастырем. Ввиду этого всякое расширение сведений о феодалах-землевладельцах представляет значительный интерес. Большим недостатком сохранившихся источников о землевладении XVI в. является почти полное отсутствие каких-либо данных, дающих одновременные сведения о более или менее значительных группах землевладельцев. До настоящего времени было известно только два таких документа. Разъезжая грамота 1504 г. дает представление о землях феодальных и черных в длинной полосе Переяславского уезда на рубеже с Дмитровско-Кашинским уделом.¹³ Сотная

¹² ЦГАДА, Грамоты Коллегии экономии (далее — ГКЭ), № 8927. См.: С. Шумаков. Обзор грамот Коллегии экономии, вып. IV (далее — ОГКЭ, IV), 1917, № 1555.

¹³ Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв. М., 1950 (далее — ДДГ), № 94.

выпись с книг письма В. Г. Морозова и З. А. Постника 1519 г. содержит описание вотчинных и поместных земель Великой Слободы — одного из станов Переяславского уезда.¹⁴ Межевая книга является третьим таким документом, сообщающая сведения о довольно многочисленной группе вотчинников и помещиков, соседях троицких вотчин, рассеянных по разным частям уезда. Она делает как бы фотографический снимок этих землевладельцев, показывая их всех в один и тот же момент, статично, и притом только с одной точки зрения — как соседей троицких вотчин. Задача заключается в том, чтобы показать эту группу переяславских землевладельцев по возможности разносторонне и в развитии.

Еще более затруднительно суждение о волостных землях в первой половине XVI в., так как в отличие от феодалов-землевладельцев, черные крестьяне встречаются в монастырских актах XVI в. очень редко. Тем большее значение имеет привлечение материалов межевой книги, сообщающей сведения о ряде черных волостных земель, как попавших в руки феодалов, так и находящихся еще в распоряжении волости.

Настоящая статья является попыткой привлечения материалов межевой книги к изучению вопросов, связанных с судьбами черных волостных земель и с характеристикой личного состава феодалов-землевладельцев.

Первая группа межеваний по Переяславскому уезду (№№ 25—40) посвящена троицкой вотчине селу Хупани. В конце XV—начале XVI в. эта вотчина граничила с Бармазовской волостью великого князя.¹⁵ Вблизи межи находились земли, спорные между монастырем и волостными крестьянами; в числе таких земель, в частности, в актах упомянуты деревня Подберезье и селище Дьяково,¹⁶ служившие предметом притязаний монастыря, оспариваемых представителями волости; объектами столкновений служили и леса.¹⁷

Актовый материал XV в. свидетельствует о проникновении на территорию Бармазовской волости чуждых ей элементов и о переходе части ее земель в руки феодалов. В административном отношении эта волость в конце XV—начале XVI в. подчинялась

¹⁴ Акты феодального землевладения и хозяйства XIV—XVI вв., ч. I М., 1951 (далее — АФЗХ, I), № 23.

¹⁵ Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV—начала XVI вв., т. I. М., 1952 (далее — АСЭИ, I), №№ 330, 642.

¹⁶ Там же, №№ 641, 642.

¹⁷ Там же, №№ 20, 330, 469, 512, 548.

дворецкому, что свидетельствует о значительной степени ее окняжения. Тем не менее Бармазовская волость этого времени представляется организмом, активно отстаивающим свою территорию от поползновений монастырских властей; из должностных лиц, представляющих ее интересы, известен, в частности, сотник. На территории волости в XV в. существовали поселения и мелкие участки волощан и посторонних волости мелких владельцев (частично сливавшихся с волостью). Земли лиц, принадлежавших ко двору великого князя, рассматривались волостью как часть ее территории.¹⁸ Совокупность этих данных дает возможность установить, что к началу XVI в.: 1) процесс феодализации волости (преимущественно в форме ее окняжения) продвинулся достаточно далеко; 2) волость сохранила единство территории и волостной администрации.

Иную картину застает здесь через 50 лет рассматриваемая межевая книга (схема I). Бармазовской волости больше нет. Соседями с Хупани вместо волостных земель теперь являются поместья Дм. Федосеева (деревни Старое и Покрытное, № 25), В. Д. Хвостова (села Бармазово, Лукино и д. Татариново, № 27), князя Т. Козловского (пустоши Мошигино, Калинино и Нелидово, № 28), Г. Нароватого (отхожие пожни д. Юровской, № 38), отхожие пожни тех же владельцев (№ 38). Многие из этих поместных сел и деревень известны из актов предыдущей эпохи как волостные земли. Так в разъездах XV в. известна д. Татариново, стоявшая на границе монастырских и волостных земель.¹⁹ С. Лукино этимологически связывается с именем Матвея Луцина, троицкого вкладчика середины XV в., распорядившегося несколькими запустелыми бармазовскими поселениями.²⁰ Троицкая д. Подберезье расположена «меж княж Тимофеевы земли княж Иванова сына Козловского поместных пустошей Закладного села: пустоши Гаврилкова, пустоши починка Высокого да пустоши деревни Филина, да пустоши Огалигузова, что около Хупанские деревни Подберезья» (№ 40). Эта деревня окружена, таким образом, поместными и, как можно считать, исходя из вышесказанного, вчерашними волостными землями. Это наблюдение следует поставить в связь с известными фактами истории д. Подберезья. В XV в. эта деревня каким-то образом досталась переяславскому протопопу, а во второй

¹⁸ Подробнее см.: Ю. Г. Алексеев. Волость в Переяславском уезде XV в. В кн.: Вопросы экономики и классовых отношений в Русском государстве XII—XVII вв. М.—Л., 1960, стр. 228.

¹⁹ См.: АСЭИ, I, № 162 (данная грамота Матвея Луцина в Троицкий монастырь: «А от Татаринова по речку...»); № 330 (список с разводного списка на Хупань: «Да меж Матфеева да Татаринова по поток...»); № 545 (память о разезде: «Да от Татаринова на тот же враг...»).

²⁰ АСЭИ, I, № 162.

половине XV в. была дана им Троицкому монастырю.²¹ Так в гуще волостных земель образовалось феодальное владение, тянущее к монастырскому селу Хупани. В свете этих данных меже-

— 1 2 ---- 3 — 4 ● 5 ○ 6 ● 7 ● 8 ○ 9 () 10

Схема I. Село Хупань и его соседи.

1 — земан волости; 2 — земан монастырей; 3 — светские вотчины; 4 — поместья. Эмалн, старыми владельцами которых были: 5 — волости, 6 — монастыри, 7 — вотчинники; 8 — помещики; 9 — владельцы, уставовить которых не удалось. 10 — пункты, нанесенные по данным письменных источников.

вой книги понятно желание волости в лице сотника Окула на рубеже XV и XVI вв. сохранить в своих руках эту деревню.²²

Село Хупань граничит также «с царя и великого князя землею пустоши Трубницы Судокковского поместья Кряковского» (№№ 26 и 36). В отличие от поместий Дм. Федосеева, В. Д. Хвостова,

²¹ Там же, № 641: «Игумен троецкой и старци положили» перед великим князем на зсмяю Подберезскую «грамоту данную протопопа Семена Переславского; а как та земля за монастырем, тому более тритцати лет...». Акт датируется издателями 1502—1504 гг., следовательно, вклад протопопа Семена относится к началу 70-х годов XV в.

²² АСЭИ, I, № 641. Иван Яковль, посланный великим князем «вестови к волости к Бармазовской Панинскую деревню от троицкие земли Сергиева монастыря от Подберезские деревни от Хупанские», не мог произвести отвода «затем, что Окулко сотник назвал и ту деревню Подберезскую волостною ж деревню Бармазовскою...».

кн. Т. Козловского и других, эта земля, видимо, в момент межевания не была в раздаче. Этим определяется обозначение ее как «земли царя и великого князя». Однако при этом она не перестает называться и «поместной землей», и даже указывается имя ее (прежнего?) владельца. Традиции поместного держания успели, видимо, уже достаточно прочно сложиться на бармазовской земле; эта земля уже не рассматривается иначе, как принадлежащая к поместному фонду, к категории феодального владения.

Другую группу межей с. Хупани составляют межи с владениями монастырей Александровского Переяславского (д. Чюрикова и пустошь Кваскова, № 29) и Никитского (с. Кривушинское, № 31; с. Городище, № 33). Земли Александровского монастыря в этих местах в XV в. неизвестны, но оба села Никитского монастыря, упоминаемые в межевой книге, в середине XV в. принадлежали к «землям великого князя».²³

Из отрывочных материалов XV в. в изучаемом районе известны, кроме Бармазовской волости, еще три: Гавинская,²⁴ Заборская²⁵ и Усольская.²⁶ Межевая книга дополняет сведения о волостях, называя в непосредственном соседстве с селами Городищем и Кривушинским еще Ясенеvскую волость, которая прежде не упоминалась (№№ 30, 32, 35). В середине XV в. д. Уляшкино (принадлежавшая, согласно межевой книге, к Ясенеvской волости) названа рядом с Криушиным и Городищем в составе земель «великого князя».²⁷ Это позволяет высказать предположение, что в XV в. все эти земли относились к Ясенеvской волости, которая в таком случае смыкалась на северо-западе с Усольской, а на северо-востоке с Бармазовской. Как и на Бармазове, волостные земли в Ясенеvе перемежались с владениями феодального или полufeодального типа.²⁸

К середине XVI в. этот прежний волостной массив разбит землями феодалов. Бармазовская волость перестала существовать, на границах Ясенеvской волости появились поместные земли. Д. Уляшкино теперь с трех сторон окружена владениями монасты-

²³ АСЭИ, I, № 201, 1447—1455 гг. Села Городищское и Кривушинское великий князь Василий Васильевич называет «своими» землями.

²⁴ АСЭИ, I, №№ 544, 636.

²⁵ Там же, № 643.

²⁶ Там же, № 20.

²⁷ Там же, № 201 («до межи мее, великого князя, пустоши Уляшкина»).

²⁸ Так, здесь известные земли Ягреновых — пустошь Есипле, данная Анной Ягреновой в Троицкий монастырь (АСЭИ, I, № 82, 1432—1445 гг.), с. Ягреново, вошедшее впоследствии в состав вотчин Никитского монастыря (ОГКЭ, IV, № 1489, Дозорная книга князя А. И. Шаховского, 1619/20 г.). Судя по топонимике, здесь было уже в первой половине XV в. с. Ивана Крюка Фоминского (АСЭИ, I, № 201; с. Ивановское Крюково Фоминское, перешедшее к середине XV в. в руки Троицкого монастыря, а от него — к великому князю).

рей (Троицкого, Никитского, Александровского); под натиском феодалов Ясеневская волость словно отступает со своими деревнями в глубь болотистых лесов.²⁹

Из этих феодалов, отесняющих волость и располагающихся на ее земле, наибольшее значение имеют, по-видимому, помещики. На территории прежней Бармазовской волости разместились, как выше указывалось, поместья князя Т. Козловского, Г. Нороватого. Дм. Федосеева, В. Д. Хвостова; здесь же было и поместье Судака Кряковского.

Князь Тимофей Иванович Козловский, в составе поместья которого названо село Закладное и 7 пустошей, принадлежит к очень захудалой ветви смоленских княжат.³⁰ В Тетради дворовой поименованы многочисленные князья Козловские, частью под рубрикой «литва дворовая», в составе детей боярских по Романову и Костроме, но среди них нет ни самого Тимофея, ни вообще Ивановичей. Однако Тетрадь дворовая знает князя Тимофея Иванова сына Козлова Вяземского. Это — «литва дворовая» по Переяславию.³¹ Князья Вяземские — родичи Козловских, рассеянные, подобно им, по разным уездам (Кострома, Романов, Малый Ярославль). Не исключена возможность, что именно этот князь Тимофей является помещиком на Бармазовских землях.³² Князья Вяземские и Козловские не известны в сохранившихся переяславских актах XV—начала XVI в., на основании чего можно предположить, что в середине XVI в. они для Переяславля сравнительно новые люди.

Фамилия Нороватых, к которой принадлежит Григорий, владелец деревни Юровской, упоминается во многих документах. В Тысячной книге известен Иванец Яковлев сын Нороватого, сын боярский II статьи по Вотской пятине.³³ Этот же Иван Яковлев — полковой голова во многих походах 1557—1562 гг.³⁴ Начиная с середины XVI в. Нороваты известны в Переяславском уезде. Так, один акт 50-х годов рисует целое гнездо Нороватых — помещиков с. Загорье и сельца Загорье Верхнее в Никитском стану (южнее г. Переяславля). С. Загорье было ранее 1554 г. в поместье за по-

²⁹ «А болотом ямы не копаны, потому что не мочно, и вперед будут не знатны, а граней сечи не на чем, кустарь мелкой и место безугодное», — таков пейзаж Ясеневской волости (№ 35).

³⁰ ВОИДР, стр. 107, 252.

³¹ Тысячная книга 1550 г. и Дворовая тетрадь 50-х гг. XVI в. М., 1950 (далее — ТК-ТД), стр. 141.

³² В духовной грамоте князей Звенигородских в 1562/63 г. упомянут некий Иван Тимофеевич Козловский, может быть сын бармазовского помещика (Акты феодального землевладения и хозяйства, ч. II. М., 1956 (далее — АФЗХ, II). № 299).

³³ ТК-ТД, стр. 86.

³⁴ Древнейшая разрядная книга официальной редакции (по 1565 г.). М., 1901 (далее — ДРК), стр. 202, 211, 216, 223, 228.

томками Алферия Нороватого: его сыновьями Иваном и Ширяем, внуком Нечаем Никитиным сыном и, по-видимому, правнуками Иваном и Василием Андреевым детьми Никитина. Сельцо Загорье Верхнее (вероятно, ртпочковавшееся от Загорья) было в поместном владении другой линии Нороватых — Матвеевых детей Григория, Ивана, Меншика и Петра.³⁵ Не исключена возможность отождествления первого из этих Матвеевых детей с помещиком д. Юровской. Рассматриваемая межевая книга знает поместье одного из Нороватых — Ширяя — в Новосельском стану. Нороватые имеют в Переяславском уезде не только поместья, но и вотчины: в конце XVI в. Нороватые, двое Никитиных детей и Ширяев сын Иван, получили поместья в Коломенском уезде «противу старые . . . Переяславские вотчины».³⁶ Земли Нороватых известны и в других уездах: во второй половине XVI в. Иван Григорьев сын Нороватого был верстан окладом в 250 четвертей, в каковой оклад получил поместье в Невельском уезде и несколько полоцких деревень.³⁷

В. Д. Хвостов, которому принадлежит центр бывшей Бармазовской волости, с. Бармазово, является, по родословным преданиям, выходцем из старого и очень знатного московского рода потомков знаменитого тысяцкого Алексея Петровича Хвоста.³⁸ Потомки опального боярина захудали и опустились к XVI в. до уровня рядовых служилых людей. Центром владений рода Хвостовых в середине XVI в. был, по-видимому, Суздальский уезд, с которого по дворовому списку служат пятеро Дмитриевых детей, в том числе и Васюк.³⁹ Здесь известны вотчины Хвостовых, отобранные у них позднее в опричнину, взамен чего им была дана вотчина в Муроме.⁴⁰ С конца XV в. Хвостовы превращаются в помещиков. Так, в Новгороде испомещены восемь представителей этой фамилии, во Пскове — шесть.⁴¹ Четверо Хвостовых, псковских помещиков, попадают в Тысячную книгу.⁴² Как свидетельствует пример Василия Дмитриева сына, Хвостовы получают поместья и в других коренных московских уездах. Но если в Новгороде и Пскове испомещение их производится на конфискованных землях местной

³⁵ ОГКЭ, IV, № 1304, 1554 г. Послушная грамота Данилову монастырю на владения в Никитском стану — сельцо Загорье и сельцо Загорье Верхнее с упоминанием прежних владельцев.

³⁶ Писцовые книги Московского государства, ч. I. Отделение I. СПб., 1872 (далее — ПКМГ, I), стр. 434.

³⁷ Писцовые книги Московского государства. Отделение II. СПб., 1877 (далее — ПКМГ, II), стр. 519, 529—530.

³⁸ ВОИДР, стр. 185.

³⁹ ТК-ТД, стр. 154.

⁴⁰ П. А. Садиков. Очерки по истории опричнины. М.—Л., 1950, стр. 125—128; ПКМГ, I, стр. 877.

⁴¹ С. Б. Веселовский. Феодалное землевладение в Северо-Восточной Руси. М.—Л., 1947, стр. 293—323.

⁴² ТК-ТД, стр. 100.

знати, то в центральном районе страны представители этого рода получают в поместье черную волостную землю.⁴³ В Переяславле Хвостовы, по-видимому, люди новые, судя по отсутствию упоминаний о них в актах.

Сведений о Дм. Федосееве и Судаке Кряковском обнаружить в источниках не удалось. Их нет в числе переяславских землевладельцев, известных по актам и другим материалам. Не исключена возможность поэтому, что они новые для Переяславля люди, что сближает их до известной степени с их бармазовскими соседями, рассмотренными выше. Основное, что сближает этих бармазовских помещиков друг с другом — их более или менее ясно прослеживаемая служилая, поместная связь с Переяславлем, отсутствие (или второстепенное значение) старинных вотчинных связей.

Межевания №№ 41—47 посвящены с. Копнину на Малой Нерли (схема I). Это владение досталось Троицкому монастырю от Василия Борисовича Копнина, бывшего боярина радонежского князя Андрея Владимировича, и его вдовы Марии Андреевны.⁴⁴

О границах этого владения в XV в. дают представление разъезжие этого времени.⁴⁵ Левобережная половина вотчины, в которой находился владельческий центр, с. Копнино, была размежевана в конце XV или начале XVI в. переяславским писцом кн. В. И. Голениним от земель Заборской волости.⁴⁶ Между указывают заборский десятский и другие «великого князя хрестьяне». соседи земель Троицкого монастыря. Из этой же разъезжей выясняется, что Копнинская вотчина граничила, в частности, с земельным массивом Тимофея Петровича Замытского.

Этой разъезжей соответствует межевание № 41. Однако это межевание более полное: оно охватывает границы левобережной половины вотчины со всеми соседями, а не только с Заборской волостью. Этими соседями, согласно межеванию, являются земли Духовского монастыря (д. Зденежье, земля, лес и пожни за Малой Нерлью), земли Заборской волости (деревни Селезенево, Ебышево и Хомякино), земля Нутской волости (д. Маслово), земли вотчинные Никиты Константиновича Замытского (деревни Субботино, Мошково и Горки).⁴⁷

Таким образом, из этого документа мы впервые узнаем о существовании Нутской волости и о наличии на Нерли земель Духовского монастыря. Что касается уже известной Заборской волости,

⁴³ Поместья Хвостовых известны в конце XVI в. также в Коломне. Вязьме и Орле (ПКМГ, I, стр. 474, 563—565; ПКМГ, II, стр. 794—795. 894).

⁴⁴ АСЭИ, I, №№ 193, 195, 457.

⁴⁵ Там же, №№ 544, 636, 643.

⁴⁶ Там же, № 643.

⁴⁷ Н. К. Замытский — внук Тимофея Петровича, упоминавшегося в разъезде 1501/02 г. (ВОИДР, стр. 105 и др.).

то, по-видимому, ее границы с троицкими владениями за истекшие полвека существенных изменений не претерпели. Об этом свидетельствует сопоставление соответствующей части межевания № 41 с разъезжей князя В. И. Голенина.⁴⁸ В межевании не указаны деревни Якушевская, Юркинская и Дятловская. Однако представляется важным то обстоятельство, что д. Селезенево, принадлежавшая в начале XVI в. заборскому крестьянину Ивашке Семёнову сыну Селезю и стоявшая у самой межи, осталась в 1557/58 г. в руках Заборской волости. Возможно, что другие деревни, упомянутые в разъезжей, фигурируют в межевании под новыми именами. Наиболее существенное отличие межевания № 41 от разъезжей князя В. И. Голенина состоит в том, что в ней между Заборской волостью и владениями Замытских названа Нутская волость, которую разъезжая не знает. Причина этого явления может быть двоякая: или Нутская волость отпочковалась в первой половине XVI в. от Заборской, включив в свой состав часть земель последней,⁴⁹ или троицкие владения на этом участке продвинулись и, поглотив часть заборских земель, вошли в соприкосновение с землями нутскими.

В XV в. правобережная половина троицкой вотчины, в частности д. Свечино, граничила ниже по Малой Нерли с землями Гавинской волости, в состав которой входила земля Кипроватая.⁵⁰ Этот развод был произведен, вероятно, вскоре после приобретения монастырем д. Свечиной, т. е. после 1478 г. Представителями волости являлись десятский и два «мужа», действующие «за всю волость Гавинскую» и «доложа» ее волостеля, князя Семена Александровича (чья печать и скрепляет грамоту). По-видимому, в самом конце XV или в первые годы XVI в. монастырскими властями была составлена разъезжая память на ту же землю.⁵¹ Межа в ней указана приблизительно та же, что говорит об устойчивости границы между троицкой вотчиной и Гавинской волостью.

За первую половину XVI в. в межах этой части вотчины произошли значительные изменения. Кипроватое, или Кипрово, входившее в XV в. в состав Гавинской волости, — теперь село в поместном владении Богдана Семёнова сына Замытского. Отхожая пожня — наволок этого села на самой Нерли (№ 42). Рядом с этим наволоком, дальше от Нерли, расположилось поместье братьев Афанасия и Василия Пановых, д. Бахмурово (№ 43). Далее идет само поместье Б. С. Замытского, с. (или село) Кипрово с тремя деревнями (№ 44). Еще дальше — поместная земля Марфы Федо-

⁴⁸ АСЭИ, I, № 643.

⁴⁹ Примеры таких явлений см.: М. М. Богословский. Земское самоуправление на русском Севере, т. I. М., 1909, стр. 46—47.

⁵⁰ АСЭИ, I, № 544.

⁵¹ Там же, № 636.

ровой, жены Клобукова, — д. Стольниче (№ 45). За нею — вотчина Симонова монастыря — д. Ляганово (№ 46). Наконец, на реке Нерли выше троицких владений — «царя и великого князя земли Гавинских пустошей» (№ 47).

Главное в происшедших изменениях — оттеснение Гавинской волости от Нерли на участке ниже Свечина и передача ее прибрежных земель в руки помещиков. В поместную раздачу поступила часть волостной земли не только значительная по размерам, но и особенно важная в экономическом отношении, в частности, наиболее ценные приречные угодья, заливные луга — наволоки. Как в районе Усолья, так и на Нерли волость на наших глазах теряет свои земли и угодья и отступает в глухие болотистые и лесистые места. О критическом состоянии Гавинской волости свидетельствуют заброшенные поселения — пустоши на том сохранившемся участке волостной территории, с которым граничит троицкая вотчина.

Не вызывает сомнения, что наступление феодалов на Гавинскую волость, как и на другие волости Переяславского уезда, началось очень давно и к началу XVI в. уже достигло определенного успеха. Об этом свидетельствует, в частности, жалованная грамота 1507 г. великого князя Василия Ивановича Симонову монастырю, в которой в числе прочих переяславских владений этого монастыря названы «в Гавинской волостке деревня Гавино, деревня Сажичино, деревня Еганово, деревня Турсово».⁵² Д. Еганово грамоты 1507 г. это. по всей вероятности, та д. Ляганово, которая упоминается в межевой книге. Следует отметить, что в руках монастыря оказывается д. Гавино, по-видимому, волостной центр. Это может свидетельствовать о значительной степени проникновения феодалов в волость. При этом, однако, еще в первые годы XVI в. Гавинская волость сохраняла черты волостного самоуправления и удерживала в своих руках значительные массивы земель по берегу р. Нерли. Новый этап феодализации волости начался, видимо, в первые десятилетия XVI в. Именно к этому времени относится появление на гавинской земле новой формы феодального владения — поместья, охватившего значительную часть волостной территории.

Из трех помещиков на гавинской земле двое хорошо известны в источниках. Один из них Богдан Семенович Замытский, владелец с. Кипрова и наволока на р. Нерли, представитель очень старого, домосковского боярского рода Акинфовичей Великого.⁵³ Огромный

⁵² ОГКЭ, IV, № 1353.

⁵³ ВОИДР, стр. 102, 105—106. Богдан Семенович — троюродный брат Никиты Константиновича, троицкого соседа на левом берегу р. Нерли. В середине XVI в. он служит по дворовому списку с Переяславля (ТК-ТД, стр. 199). В 1574/75 г. его вдова и дети сделали большой вклад в Троицкий монастырь, в том числе «вотчину свою старинную» — с. Андреяновское с во-

массив владений Замытских находился в XV в. и позднее в северо-восточной части уезда, которая и много лет спустя именовалась Замытьем.⁵⁴

Получение в поместье держание части соседней волости непосредственно увеличивает этот массив. Федор Клобуков, вдова которого владеет д. Стольниче, — это, вероятно, Федор Григорьевич, старинный переяславский вотчинник. Земли Клобуковых в Кинельском стану, на р. Молокче, известны уже в середине XV в. Владельцы д. Бахмуровой, братья Пановы, возможно принадлежат к известному в XVI в. служилому роду, чьи представители встречаются во многих местах, в том числе и в Переяславе.⁵⁵

Следующая группа межеваний (№№ 48—64 и 67) связана с с. Бороноволоковым (на карте XIX в. — Боронуково), расположенным в восточной части уезда близ р. Тошмы, правого притока Большой Нерли. Соседями этого села оказываются: князь М. И. Вяземский — его поместье сельцо Сарыевское (№ 48); М. Фатеев — поместье д. Климово (№ 49); Ю. А. Забелин — поместье д. Павшино (№№ 50, 51, 55, 57); Л. Г. Володимеров (Онаньин) — вотчина сельцо Внуково (№ 52); Ф. Панов — поместье сельцо Угримово (№№ 49, 50, 53); А. Д. Басманов — вотчина д. Вески (№ 54); Корсаковы Щередины дети — поместье д. Соболево (№ 58); «царя и великого князя земля княж Ивановские вотчины Пенкова» — с. Дубровицы с деревнями (№ 59, 61); И. Д. Воронцов — вотчинные деревни (№ 60); В. И. Собакин — вотчинные и поместные земли с. Остеева (№№ 62, 67); Тимофеевы дети Петрова — поместье д. Вишки (№ 67); Агишева жена Онаньина — сельцо Высокое (№ 67).

С. Бороноволоково досталось Троицкому монастырю в 1525/26 г., когда двое сыновей князя Андрея Михайловича Оболенского дали это село, «приданое бабки своей», в Троицкий монастырь, оценив его на случай выкупа в 500 рублей.⁵⁶ Таким образом, до этого срока, в первой четверти XVI в., а вероятно, и значительно раньше, с. Бороноволоково было центром крупной боярской вотчины.

семью пустошами по р. Нерли (ОГКЭ, IV, № 887; ср.: ПКМГ, I, стр. 837—838).

⁵⁴ М. И. Смирнов. По забытым путям Залесья. Доклады Переславль-Залесского научно-просветительного общества (Пезанпроб), вып. 15. Переславль-Залесский, 1926, стр. 53—54.

⁵⁵ ОГКЭ, IV, №№ 1200 (1533/34 г.), 818 (1560/61 г.), 970 (1555/66 г.), 1013 (1579/80 г.). В этих документах упоминаются Пановы Федоровы дети, Третьяк (в первых двух актах, в районе Кинеля) и Кирей (на Тошме и в Щуромском стану).

⁵⁶ ОГКЭ, IV, № 850; Архив ЛОИИ, ф. 29 (С. Б. Веселовского), копии XX в. актов Троицкого Сергиева монастыря (далее — АСБВ), № 607.

Сельцо Сарыевское упоминается в духовной А. М. Плещеева (не позднее 1491 г.): «Да Ивану ж сыну даю свой прикуп, что есми прикупил к своему селу Елизаровскому у Аврама Ондреева сына у Сарыевского поля Сарыевского села земли ... Да ему ж даю селище Лукошково, что есми купил у тово ж Аврама да у сына его у Семена; а межа тому селищу от Сарыевской земли по ямам».⁵⁷ Таким образом, Сарыевское принадлежало в 80-х годах XV в. неким Сарыевским, от которых, видимо, и получило свое наименование. На основании Новгородских писцовых книг можно установить, что эти Сарыевские — новгородские бояре, выведенные из Новгородской земли и потерявшие свои тамошние вотчины.⁵⁸ Взамен их они и получили землю на р. Шахе. Эти новые земли были, видимо, недостаточно обжитыми, возможно, пустырем в лесу, во всяком случае землями, не имевшими сколько-нибудь прочных и развитых владельческих традиций, что и позволило им назваться по имени новых владельцев. Вероятнее всего, это была «земля великого князя», точнее, черная земля, не попавшая еще в состав феодальных вотчин. Дальнейшую судьбу Сарыевских проследить по источникам не удастся. Видимо, после их смерти земля вновь попала в состав «земель великого князя», а затем пошла в поместьную раздачу.

Д. Климово, сельцо Угримово и д. Вишки известны по духовной боярина князя И. Ю. Патрикеева (не позднее 1499 г.), который завещал своему младшему сыну Ивану в числе прочих владений также шесть переяславских вотчин, сел и селец: Романовское (на р. Рокше), Петрищево (на р. Шахе), Носакино (на р. Сотьме), Климово (на р. Тошме), Угримово (между рр. Тошмой и Шахой) и Вишки.⁵⁹ Князь И. Ю. Патрикеев в 1499 г., как известно, попал в опалу и был пострижен в монастырь. Вотчины его были, очевидно, конфискованы — отписаны на великого князя. Земли села Романовского, в частности, названы «землями великого князя» в отводной грамоте 1526/27 г. на с. Будовское Корсаковых, с которым они граничили.⁶⁰ Климово, Угримово и Вишки пошли, как свидетельствует межевая книга, в поместьную раздачу. Можно установить, что Вишки, в частности, были поместьем уже в первой четверти XVI в.; для этого надо сопоставить текст данной грамоты на с. Бороноволоково с межеванием № 67.⁶¹

⁵⁷ АСЭИ, I, № 562, стр. 439.

⁵⁸ Новгородские писцовые книги, т. III. СПб., 1868, стлб. 511, 538, 800, 839, 917.

⁵⁹ ДДГ, № 84, стр. 346.

⁶⁰ ЦГАДА, ГКЭ, № 8803.

⁶¹ В числе земель, тянувшихся к селу в 1525/26 г., данная грамота князей Оболенских называет отхожее селище Демидцево, расположенное «меж Ивановы земли Собакина да Борисовы земли Онаньина да Григорьевы земли Петрова наугородца».

Деревня Вески, принадлежащая Алексею Даниловичу Плещееву-Басманову — старинная плещеевская вотчина. В духовной А. М. Плещеева, деда теперешнего владельца Весок, об этой деревне говорится: «Да сыну ж Ивану даю свой прикуп — половину села Вески, что есмь купил у Васильевых детей у Лихорева, у Васка да Ивашка у Бовыки их вотчину...».⁶² Плещеевы, таким образом, держат в своих руках эту вотчину-куплю уже много десятков лет, на протяжении трех поколений. Довольно старыми вотчинниками, как мы видели, являются также Онаньины⁶³ и Собакины.⁶⁴

Есть основания, на мой взгляд, считать, что земли «царя и великого князя княж Ивановские вотчины Пенкова» — часть старинных вотчин ярославских князей на территории Переяславского уезда. О таких вотчинах сообщает, например, разъезжая 1504 г. и другие документы.⁶⁵ Вотчинные деревни Ивана Дмитриевича Воронцова и поместья Забелина и Корсаковых ни на карте, ни в источниках обнаружить не удастся. Не исключена возможность, что д. Павшино, поместье Юрия Андреева сына Забелина, входило прежде в состав вотчин князей Патрикеевых, как и рядом с ней расположенное на р. Тошме с. Климово.⁶⁶

Таким образом, большинство поместий, граничащих с с. Бороволоковым, историю которых удастся проследить, образовались

Согласно межевой книге, тридцать лет спустя соседями этого селища являются (№ 67): поместная земля Елизарья да Ивана Тимофеевых детей Петрова деревни Вишек; Васильева земля Собакина села Остеево; Овдотына земля Агишевой жены Онаньины сельца Высокого. Таким образом, соседи — те же Петровы, Собакины и Онаньины, только, вероятно, в следующем поколении.

⁶² АСЭИ, I, № 562, стр. 439.

⁶³ Леонтий Онаньин — большой дьяк (ТК-ТД, стр. 116).

⁶⁴ Собакины — тверской владельческий род, близкие родичи Нагих (ВОИДР, стр. 185).

⁶⁵ Князь И. В. Пенков — правнук последнего владетельного ярославского князя Александра Федоровича (ВОИДР, стр. 57). Его дядя, князь Александр Пенко, владел землями в Кистемском стану Переяславского уезда (см.: ДДГ, № 94, стр. 377 — «луги и лс... княж Олександровы княж Даниловы сына Пенкова»). В 1561/62 г. князь И. В. Пенков дал в ярославский Спасский монастырь свою переяславскую вотчину — с. Сигор с деревнями (ОГКЭ, IV, № 1358).

В сотной 1563 г. за ярославским Спасским монастырем числится сельцо Клокарево с 49 деревнями, что «пожаловал к тому монастырю дал царь... из княж Ивановы Васильевича Пенкова отчины»; три деревни этого села «прописаны были в сошные книги к селцу к Лучинскому ко княж Иванову ж Васильевича Пенкова, что взял государь на себя к дворцовым селам» (там же, № 1555). В 1563/64 г. «княж Васильева Даниловича Пенкова княгиня Анна Иосифовна» дала в ярославский Спасский монастырь с. Рахманово и 52 деревни и пустоши (там же, № 838) по душам своей родни, в том числе и сына Ивана.

⁶⁶ На карте XIX в. есть д. Забелино, в 2,5 км на северо-восток от Бороволокова.

на бывшей вотчинной земле, взятой в опалу на государя. Пользуясь более ранними материалами и сопоставляя их со сведениями межевой книги, можно гипотетически представить себе такую картину прошлого Шахо-Тошменского района (схема II).

В конце XV—начале XVI в. здесь были:

крупные феодальные вотчины, состоявшие из сел со многими тянувшимися к ним деревнями и принадлежавшие верхам тогдашнего общества. Эти владения князей Ярославских-Пенковых, князей Патрикеевых, князей Оболенских, Плещеевых представляли

Схема II. Шахо-Тошменский р-н.

собой обширные земельные массивы, частью смыкавшиеся друг с другом;

вотчины среднего размера: Корсаковых,⁶⁷ Собакиных, Онаньиных и, может быть, такого же ранга — Лихаревых и Култашевых; земли великого князя, может быть остатки черных земель, раздававшиеся, в частности, новгородским сведенцам;

монастырские земли, которых, однако, в этом районе было, видимо, немного (с. Славитино Горницкого монастыря).⁶⁸

Первая половина XVI в. внесла в эту картину ряд изменений. Так, в частности, значительно возрастает монастырское землевладение, приходящее на смену светской вотчине (вотчина князей

⁶⁷ Вотчина Корсаковых с. Будовское продана по частям в Данилов монастырь в 1524—1527 гг. (ОГКЭ, IV, №№ 803, 909).

⁶⁸ Это село — в межах с с. Будовским в 1526/27 г. (ЦГАДА, ГКЭ, № 8803).

Оболенских переходит к Троицкому монастырю, а вотчина Корсаковых — к Данилову). Однако главным изменением является рост поместного землевладения прежде всего на основе бывших крупных вотчин, отписанных в опалу на государя, а также, вероятно, и на бывших чедных землях, если они еще сохранялись в этом районе. Если вотчины Патрикеевых перешли в руки великого князя уже около 60 лет назад и помещики, на них испомещенные, вроде «наугородцев» Петровых, имеют здесь уже давнюю владельческую традицию, то вотчине князя Пенкова межевая книга застает на самом переломе ее истории: она только что отписана на царя и великого князя, но еще называется по старине «пенковской вотчиной». Ее ждет, по всей вероятности, раздача по кускам в поместное держание и появление на границах троицкого с. Бороново-локова новых соседей-помещиков.

Помещик, таким образом, — фигура, наилучшим образом иллюстрирующая эволюцию аграрных отношений в Шахо-Тошменском районе за несколько последних десятилетий.

Кто же такие эти помещики?

Князь Михаил Иванович Вяземский, помещик с. Сарыевского, — представитель той же семьи захудалых потомков смоленских княжат, что и бармазовский помещик князь Козловский. В Тетради дворовой записан по Романову Михайло княж Иванов сын Федькова Вяземского.⁶⁹ Возможно, он и есть сарыевский помещик. Во всяком случае Вяземские в Переяславском уезде — представители новой, служилой, формации в составе класса феодалов; их землевладельческое положение определяется прежде всего их службой, служебными успехами, а не наличием родовых вотчин.

Юрий Андреевич Заблдин, помещик деревень Павшина и Беклемишева, упоминается в 1554 г. в качестве переяславского городского приказчика.⁷⁰ Вотчинные владения Забелиных в Переяславском уезде не известны, но носители этой фамилии имели здесь и другие поместья: сохранилось известие о даче двоим Забелиным Четчинным детям поместья в Конюцком стану в 1568 г.⁷¹ Забелины известны и как новгородские дети боярские.⁷² Один Забелин фигурирует в 1567 г. как послух в Дмитровском уезде.⁷³

⁶⁹ ТК-ТД, стр. 145. Всего Тетрадь дворовая знает 22 Вяземских: 2 — по Переяславлю, 4 — по Ярославцу (Малому), 1 — по Кашире, 2 — по Романову, 1 — по Белоозеру, 12 — «литва дворовая»: по Костроме — 10 и по Романову — 2. Такое распыление Вяземских по уездам может свидетельствовать об отсутствии сколько-нибудь прочных территориальных родовых связей.

⁷⁰ ОГКЭ, IV, № 1192.

⁷¹ Там же, № 1307.

⁷² Н. Е. Носов. Очерки по истории местного управления Русского государства первой половины XVI в. М.—Л., 1957, стр. 353.

⁷³ С. Шумаков. Обзор грамот Коллегии экономии, вып. III. М., 1912, № 57.

В отличие от кн. Вяземского и Забелина Щередины дети Корсакова — потомки старинных переяславских вотчинников, родовых собственников расположенного неподалеку с. Будовского. Федор Панов принадлежит, вероятно, к той известной фамилии, чьи представители владеют бывшими землями Гавинской волости на Малой Нерли. Помещики д. Вишки Петровы являются новгородскими выходцами и здешними старинными помещиками. Поместье, по-видимому, переходит от одного поколения к другому.⁷⁴ Личность Фатеева установить не удается.⁷⁵

Межевания №№ 65, 66, 68—74 посвящены с. Ивановскому в Новосельском стану (схема III). Это село является недавним приобретением монастыря (вклад Беззубцева в 1550/51 г.);⁷⁶ в более ранних троицких актах Новосельский стан не упоминается.

Согласно межевой книге соседями с. Ивановского являются: царя и великого князя земля Енотской волости — д. Кулигино (№ 65); вотчина Ивана Злобина, Андрея Андреева и Григория Иванова Базаровых сельцо Василищево Ездаково (№ 66); поместная земля Ширяя Нороватого полусельцо Володимерово и другая половина того же сельца — Суботы, Афанасия и Никифора Николаевых (№ 68); царя и великого князя земля Александровские Слободы по разъезду писцов А. Лодыгина и В. Гиреева деревни Крохино и Неумоино (№ 69); поместная земля Бурца и Некраса Ратковых д. Юрцово (№ 70); поместная земля Жука Данилова сына Старого Стрелкова сельцо Дубровицы (№ 71); поместная земля Григория Хомякова отхожая пожня д. Говенова (№ 72); поместная земля кн. Ивана Даниловича Дашкова с. Василевское (№ 73); поместная земля Ивана Федорова сына Малахова д. Говеново (№ 74).

Упоминание о Енотской волости в межевой книге — по-видимому, единственное в источниках. Это упоминание расширяет представление о волостях в Переяславском уезде и позволяет, в частности, установить наличие волости в сравнительно мало освещенном источниками районе к югу от г. Переяславля.

Представляет интерес и обилие соседей-помещиков. Согласно межевой книге, с землями с. Ивановского граничит только одна вотчина и шесть поместий. Историю этих последних по отсутствию источников проследить не удается. По аналогии с другими, лучше известными районами, можно предположить, что эти поместья

⁷⁴ Для характеристики служебного положения Петровых можно указать, что в 1558/59 г. в походе против Девлет-Гирея в Большом полку у четвертого воеводы окольничего кн. В. А. Сицкого в головах из новгородских помещиков был Иван Соловой Тимофеев сын Петрова (ДРК, стр. 210).

⁷⁵ Может быть, его родственник Нехай Андреев сын Фатеев писал в 1564/65 г. купчую грамоту в Кинеле (ОГКЭ, IV, № 988).

⁷⁶ ОГКЭ, IV, № 862.

возникли или на «царя и великого князя» волостной земле, или на земле бывших вотчин, описанных на государя. Из числа этих помещиков Ратковы,⁷⁷ Малаховы⁷⁸ и Стрелковы⁷⁹ известны в более ранних переяславских актах. О Николаевых (или Миколаевых) вообще ничего не известно; князь Дашков — выходец из захудалых смоленских княжат, родич князей Вяземского и Козловского.⁸⁰ Хомяков, вероятно, происходит из Боровского уезда, в котором известно целое гнездо его однофамильцев.⁸¹ Единственные вотчинники этого района Базаровы, по-видимому, выходцы из новгородских послужильцев;⁸² их вотчина в этом случае — такое же служилое феодальное новообразование, как и поместья их соседей. Таким образом, в межевании села Ивановского, как и в других рассмотренных выше районах, можно отметить в первую очередь рост землевладения нового служилого слоя в составе класса феодалов.

Наибольшее число межеваний по Переяславскому уезду (и по всей книге в целом) — свыше 90 (№№ 164—256, некоторые межевания не пронумерованы) относится к району, прилегающему к самому монастырю: «Что около монастыря пришли в разных станех». Этот район охватывает Мишутинский, Верхдубенский и Кинельский станы Переяславского уезда и смежную часть Дмитровского уезда.

Межевания №№ 164—169 посвящены землям с. Бебякова (деревни Орехово, Савелово, Шуклино, Соляниково, Телятниково, Деулино, Кровопусково), расположенным на стыке Дмитровского и Переяславского (Мишутинский стан) уездов.

С. Бебяково досталось Троицкому монастырю в первой половине XV в. в виде вклада радонежского боярина В. Б. Копнина.⁸³ Земли, прилегающие к этому селу, принадлежали в XV в., по-видимому, крестьянам Мишутинской волости великого князя, имевшим с монастырем несколько судебных процессов.⁸⁴ В течение XV в. Мишутинская волость переживала, видимо, процесс феодализации. Среди земель волости появляются вотчины феодалов —

⁷⁷ Радковы Ивановы дети Федор и Григорий — послухи в духовной грамоте (ранее 1512 г. — ОГКЭ, IV, № 1243, стр. 446); Третьяк Ратков — городской приказчик 30-х годов (там же, №№ 1389 и 1390).

⁷⁸ В 1525/26 г. сын боярский Павел Степанов сын Малахов — послух в Верхдубенском стану (ОГКЭ, IV, № 1207).

⁷⁹ Отец Жука, Данило Стрелков, женат на Авдотье Конковой — из старинного местного вотчинного рода. В 1526/27 г. в одном из актов (ОГКЭ, IV, № 972) названы пятеро Даниловых детей, в том числе и Семен Жук.

⁸⁰ РОИДР, стр. 53.

⁸¹ ТК-ТД, стр. 175.

⁸² С. Б. Веселовский. Феодальное землевладение в Северо-Восточной Руси, стр. 226.

⁸³ АСЭИ, I, № 61 (1428—1432 гг.).

⁸⁴ Там же, №№ 430, 571, 628.

Троицкого монастыря и светских лиц;⁸⁵ в то же время усиливается зависимость волости от дворца. Так, в конце XV в. из должностных лиц Мишутинской волости известен, кроме сотника,⁸⁶ еще и дворский;⁸⁷ на волостной земле образуется поместье мелкого дворцового слуги.⁸⁸ Тем не менее и в эти времена волость сохраняет черты органического целого; так, в частности, ее «мир» яв-

Схема III. Село Ивановское и его соседи.

ляется адресатом грамоты великого князя, призывающего дворского и «всех хрестьян» стоять за его, великого князя, земли против «монастырских людей», нарушающих права волостной собственности.⁸⁹

Материалы межевой книги рисуют в этих местах другую картину. О землях волостных людей сейчас уже не говорится; соседями троицких деревень являются только феодальные владения: поместье С. Толмачева с. Деревеньки (№ 165); поместье Ф. Беликова д. Лодыгино и др. (№ 168); поместье И. Юсова д. Кобыльниково (№ 169); поместье А. Васильева д. Пероново или д. Петряево (№ 169); вотчина Г. Софонтьева пустошь Павловская (№ 164); вотчины Писемских — деревни Ефаново, Васильцево, Янгурово, Манково (№№ 166, 167). Эти феодальные

⁸⁵ Троицкие вкладчики — светские вотчинники В. Копнин и некий Федор Семенович (АСЭИ, I, № 269).

⁸⁶ Там же, № 430.

⁸⁷ Там же, № 628.

⁸⁸ Там же, № 571: в ноябре 1491 г. великий князь пожаловал своего истопника Антона Гладкого двумя пустошами в Мишутинской волости.

⁸⁹ АСЭИ, I, №№ 564, 571. Судебный процесс начала 1500-х годов отражает попытку волости вернуть освоенные монастырем земли (там же, № 628).

владения вплотную подходят к тому месту, где на карте XIX в. обозначено с. Мишутино — вероятный центр Мишутинской волости.

Из числа новых землевладельцев-феодалов на вчерашних волостных землях представляет интерес Федор Беликов, в состав поместья которого входят, согласно межевой книге, 4 деревни (Лодыгино, Байково, Боилино, Пезлево) и одна пустошь (Ременниково). Этот Беликов — вероятный родич того Афанасия Семенова сына Беликова «смольянина», который в 1542/43 г. владеет поместьем д. Пезлевым.⁹⁰ Таким образом, на землях Мишутинской волости появляется поместье смолян — нового отряда служилых людей великого князя.

Семен Толмачев, как показывает его прозвище, был вероятно, выходцем из приказных людей. В 1515 г. примерно в этих же местах известен подьячий Михаль Толмачев, писавший купчую грамоту в соседней Рождественской волости.⁹¹ Имя Юсовых в актах первой половины XVI в. не известно, но в 1563/64 г. некий Иван Андреев сын Юсов, вероятно тот же, который владеет поместьем в Мишутинском стану, фигурирует в качестве послуха в Кистемском районе.⁹²

Не исключена возможность, что Артамон Васильев, помещик д. Петряевой (или Пероновой), — один из адресатов жалованной грамоты 1516 г., согласно которой великий князь Василий Иванович «пожаловал... Василия Тимофеева сына Алексея и сына его Артема своими великого государя деревнями черными» в Мишутинском стану — Самойловым, Васильевым и Петроковым: «А пожаловал... в вотчину и с судом, опричь душегубства и разбоя с поличным, впрок ему и его детям».⁹³ Эта грамота, дошедшая в копии,⁹⁴ вызвала подозрение со стороны С. А. Шумакова, отнесшего ее «по способу изложения и по необычайной титуловке государя» к «несомненной фальсификации XVII в.».⁹⁵ Однако С. Б. Веселовский не разделяет этого скептицизма,⁹⁶ ссылаясь на похожую по форме жалованную грамоту 1515 г. в Дмитровский уезд.⁹⁷ Возможность отождествления Артамона Васильева сына межевой книги с Артемом Васильевым сыном жалованной грамоты определяется тождеством имени, сходством названий владений: Петраково — Петряево, совпадением географического района, причем не только стана, но именно той его части, которая граничит

⁹⁰ ОГКЭ, IV, № 1209.

⁹¹ Там же, № 994.

⁹² Там же, № 838.

⁹³ Акты археографической экспедиции, т. I. СПб., 1836, № 162.

⁹⁴ ГКЭ, № 9370/32. Цит. по списку: АСБВ, № 481.

⁹⁵ ОГКЭ, IV, № 1476.

⁹⁶ АСБВ, № 481.

⁹⁷ Там же, № 471.

с троицкими землями.⁹⁸ Эти соображения не решают, конечно, вопроса о степени достоверности жалованной грамоты, хотя и позволяют высказать гипотезу, что в первой половине XVI в. какой-то Артем Васильев сын (может быть, с отцом) действительно получил какую-то грамоту на д. Петряево или Петраково (а, может быть, и на другие мишутинские земли). Возможность же появления вотчины на черных землях в начале XVI в. представляется вполне реальной, в чем убеждает, между прочим, и рассматриваемая межевая книга.

Интересна история вотчинников Софонтьевых. В 1590/91 г. несколько представителей этой фамилии распорядились старинной прадедовской вотчиной в Мишутинском стану, в том числе и пустошью Павловской.⁹⁹ Если эти Софонтьевы конца XVI в. не ошиблись в счете поколений, то уже в начале XVI в. прадед их мог владеть вотчиной на мишутинских землях.

В отличие от остальных мишутинских владельцев, Писемские принадлежат к известному служилому вотчинному роду. Как можно установить по источникам, в том числе и по разбираемой межевой книге, родовой центр Писемских — в Костромском или Галицком уезде.

Если актовъый материал XV в., рисуя процесс феодализации Мишутинской волости (появление поместья, расхват волостных земель феодалами), рассматривает эту волость еще как какой-то более или менее цельный организм, имеющий возможность так или иначе проявить себя, то разбираемая межевая книга волость как таковую в этих местах уже не знает. Волость, которая в течение многих поколений терпела от «ратных людей и от разбоев»¹⁰⁰ и боролась с обояриванием, в новых условиях XVI в. исчезла, превратившись в совокупность поместий и служилых вотчин.

Свыше 40 межеваний относятся к троицким селам в Верхдубенском стану: Сваткову, Семеновскому, Душищеву, Дерябину, Дьяконову, Выпукову, Коярову, Буженинову и к деревням этих сел.

Верхдубенский стан — один из наиболее старых районов троицкого землевладения; многие из монастырских сел и деревень, упо-

⁹⁸ Против такого отождествления говорит титул владения: в жалованной грамоте — вотчина, в межевой книге — поместье. Однако действительность первой половины XVI в. знает случаи превращения вотчин в поместья, и приведенный аргумент не отменяет, как мне кажется, силы высказанных выше соображений.

⁹⁹ ОГКЭ, IV, № 1016: Дмитрий Семенов сын Софонтьева-Демьянова со своими тремя сыновьями продал Елиару Ивановичу Сабурову пять пустошей — «вотчину свою старинную прадедовскую и дедовскую и отца своего...»

¹⁰⁰ АСЭИ, I, № 571: «А те деревни запустели от ратных людей и от разбоев», — говорят мишутинские крестьяне в 90-х годах XV в.

минаемых в межевой книге, известны по актам XV в.¹⁰¹ По актовому материалу в Верхдубенском стану XV в. видны многочисленные вотчины крупных и мелких феодалов. Наряду с огромными вотчинами Плещеевых (села Выпуково и Дерябино с деревнями по обоим берегам р. Куньи) и Зворыкиных (с. Бужениново, к которому в XVI в. тянуло 40 деревень), здесь было много вотчин среднего и мелкого масштаба — в составе села или сельца с несколькими деревнями и пустошами. В отличие от соседнего Мишутинского стана, земли волостных крестьян в актах XV в. в Верхдубенском стану почти не упоминаются. Есть только некоторые указания на споры феодалов, церковных и светских, с крестьянами соседних волостей, Мишутинской и Михайловской.¹⁰² Кое-где встречаются упоминания «о землях великого князя», с которыми граничат монастырские и светские вотчины.

Актовый материал первой половины XVI в. отражает изменения, происходящие в это время в землевладении стана, в частности новый этап роста троицких вотчин. В руки монастыря попадают в это время боярские вотчины Плещеевых и Зворыкиных.¹⁰³ В это же время все чаще встречаются указания о помещиках и поместьях.¹⁰⁴ Ознакомление с материалами межевой книги позволяет дополнить эти наблюдения. Согласно межевой книге, на границах монастырских земель вотчин значительно больше, чем поместий (двадцать три вотчины и десять поместий). Это объясняется, по видимому, прежде всего тем, что в руках у правительства не было в этом районе достаточно обширного фонда земель для испомещения. Это обстоятельство связано со структурой землевладения в Верхдубенском стану в XV в.: господством вотчины и незначительным количеством «земель великого князя». В этих условиях

¹⁰¹ В первой половине XV в. образовались троицкие вотчины — села Сватково и Семеновское. В это же время в руки монастыря попали путем вкладов деревни Душищево, Волочениново и др. (см.: АСЭИ, I, №№ 47, 59, 93, 370 и др.).

¹⁰² В конце XV в. происходит суд крестьян Михайловского стана с попом Покровской церкви о пахотной земле (АСЭИ, I, № 582); около 150 г. П. М. Плещеев, владелец села Выпукова, в своей духовной пишет: «А что мой дуг Выпукова села на Дубне у св. Покрова... и нынече те дуги в суде с великого князя хрестьяны с волостными...» (ОГКЭ, IV, № 944).

¹⁰³ В 1522 г. Троицкий монастырь выменял у Плещеевых их вотчину на р. Кунье — села Выпуково и Коярово (ОГКЭ, IV, № 1115). В 1536 г. во исполнение духовной в. кн. Василия Ивановича великокняжеская власть дала в монастырь с. Дерябино с деревнями, (АСБВ, №№ 734 и 759). В 40-х годах монастырь в два приема купил и с. Бужениново (ОГКЭ, IV, №№ 923 и 987).

¹⁰⁴ Так, в разведке 1536 г. «селу Дерябинскому з деревнями от великого князя земель от помещиковых и от вотчинных» (по случаю передачи села в монастырь) упомянуты «земля и пожни Головинские деревни Михайловские да Михайловского починка Жибрикова да Кознина поместья Турчаниновых» и Ходырева пустошь, «что было за Худяком за Костиным сыном Скворцова в поместье» (АСБВ, № 762).

в поместье даются как «земли великого князя», так и части бывших вотчин. Из «земель великого князя», известных в актовом материале начала XVI в., в поместную раздачу пошли «Воскресение Росолово» и Исаково с Орефиным.¹⁰⁵

Состояние черных земель, еще не попавших в поместную раздачу, заслужило в межевой книге такую выразительную характеристику: «А царя и великого князя от Бунины пустоши и от быных пустошей, что пришли к троецкой земле, троецкая земля не межевана потому, что тем пустошем старожильцев нет и между указать некому» (межевание № 182-а).

Помещик Бобр Кондратьев владеет д. Лагиревой Семеновской, которая в начале XVI в. была, вероятно, вотчинной землей.¹⁰⁶ Еще более интересно, что Степан Скрипицын имеет в поместном владении бывшие вотчинные земли Скрипицыных — д. Ходырево и, по-видимому, д. Окулово.¹⁰⁷ Отсутствие материалов лишает возможности проследить происхождение остальных поместий.

Многие из землевладельцев Верхдубенского стана являются родовыми старинными местными вотчинниками. Так, Редриковы известны в этих местах с первой половины XV в.¹⁰⁸; Рябинины (вотчина селцо Рябинино с деревнями, № 170). Скрипицыны (кроме поместья, вотчина деревня Тарасово, № 188) и Уполовниковы —

¹⁰⁵ В 1510/11 г. отвод земли селища Дулепова начинается «от великого князя земли от Воскресенья от Росолова» (АСБВ, № 434).

В 1510/11 г. межа поделенной земли селца Нового (Скрипицыных) начинается «от великого князя земли от Исаковской и от Орефинского оврага...» (ОГКЭ, IV, № 947).

¹⁰⁶ Это, видимо, часть вотчины Семена Лагирева. Одна из его деревень продана им в 1524/25 г. Р. Ф. Бутеневу, который тут же дал ее в Троицкий монастырь (ОГКЭ, IV, №№ 997 и 848).

¹⁰⁷ Д. Окулово упомянута в составе вотчин Скрипицыных Вшняковых детей, того же Степана и брата его Андрея в 1536 г. при разводе земель с. Дерябина (АСБВ, № 762). Д. Ходырево в актах непосредственно не известна, но название ее происходит, видимо, от имени Ходыоя Иварова сына Скрипицына (дяди Степана Вшнякова), одного из шести Иванычей, поделивших в начале XVI в. с. Титовское с деревнями (ОГКЭ, IV, № 946). Возможно, эта же деревня (Ходырево) была ранее 1536 г. в поместье за Худяком Скворцовым (АСБВ, № 762).

¹⁰⁸ В переяславских актах Троицкого монастыря времени игумена Никона (1392—1427) фигурируют в качестве послухов Редриковы: Михайло Елизарович и Кузьма (АСЭИ, I, №№ 15 и 19); в акте 1420-х годов на кинельские земли — в послухах Шабуня Михайлов сын Елизаров, возможно сын М. Е. Редрикова (там же, № 46); в 1428—1432 гг. Кузьма Редриков продал в Троицкий монастырь землю Сенинскую в Верхдубенском стану (там же, № 60); около этого же времени «по приказу» брата Кузьмы, Александра Редрикова, вдова его сделала в Троицкий монастырь вклад в соседнем Кинельском стане (там же, № 154). Из Редриковых, фигурирующих в межевой книге, Никифор (№ 171) и Кузьма Терентьев (№ 181), вероятно, родные братья, известные как послухи в акте 1539/40 г. (ОГКЭ, IV, № 980). В том же акте назван Иван Ефимов сын Редриков — может быть, это и есть помещик деревни Дягилево, упоминаемый в межевой книге (№ 206).

со второй половины XV в.;¹⁰⁹ Айгустовы (вотчина д. Душищево, № 172-а), Бутеневы (вотчины — семь деревень, №№ 175—177, 179, 197), Свеженины (вотчина д. Михальцово, № 171), Вакорины (д. Вакорино, № 172) и Соколовы (поместье «вопчее» с Волосатым — сельцо Матвеево) — с конца XV—начала XVI в.¹¹⁰

¹⁰⁹ Иван Рябина известен в 50-х годах XV в. как послух в одной из сделок Троицкого монастыря в Верхдубенском стану (АСЭИ, I, № 259). В конце XV в. на разезде Верхдубенских земель упоминается сын боярский Иван Иванов сын Рябинин (там же, № 559); видимо, его дочь Соломонида была замужем за местным вотчинником Ильей Скрипицыным-Балуевым (ОГКЭ, IV, № 85), а сын Дмитрий, возможно отец Третьяка, упоминаемого в межевой книге (№ 170), известен в актах 20—30-х годов XVI в. (там же, №№ 854—856, и др.). Сам Третьяк появляется в источниках с 1443 г. в качестве послуха в одном из кинельских актов (там же, № 859). Актовый материал гласит в верхдубенских местах представителей и других лиц Рябининых — Романовых и Федоровых (там же, №№ 854, 857, 1387). Судя по этим данным, Рябинины — сильно разросшийся местный вотчинный род.

Уполовниковы впервые упоминаются в 70-х годах, когда Матвей Гаврилов сын Уполовников продал в Троицкий монастырь пустошь Зарецкую (АСЭИ, I, № 427), в начале XVI в. его сыновья Афонка и Степан пытались опротестовать эту сделку (см. там же); Поярок Уполовников, владелец селца Уполовникова, согласно межевой книге (№ 175) — Яким Степанов, вероятный внук Матвея, известный как послух во многих актах 20—30-х годов XVI в. (ОГКЭ, IV, №№ 849, 850, 851, 856 и др.). В первой половине XVI в. известны и другие Уполовниковы — Яковлевы, Григорьевы и Ивановы дети (там же, №№ 848, 947, 948 и др.). Насколько удается заметить, они происходят от Гаврилы Уполовникова, жившего, по-видимому, в середине XV в.

Имя Скрипицыных попадает в актовый материал в 1491/92 г. по поводу сделки между родичами — Скрипицыными (АСЭИ, I, № 565). Нет сомнений, что Скрипицыны владели вотчинами в Верхдубенском стану и раньше. В конце XV—начале XVI в. многочисленные представители двух ветвей Скрипицыных — Иваковых детей и Александровых детей Балуева владели вотчинами соответственно на р. Дубне (село Титовское — см.: ОГКЭ, IV, № 946) и на р. Кунье (сельцо Новое с деревнями — см.: там же, №№ 947 и др.). Один из Скрипицыных, Дмитрий, известен в XVI в. как «большой дьяк» (К-ТД, стр. 115; ДРК, стр. 189). Еще более блистательную карьеру совершил другой Скрипицын (в иночестве Иоасаф), став игуменом Троицкого монастыря, а затем митрополитом всея Руси (в 1539—1542 гг.). В то же время актовый материал свидетельствует об утрате Скрипицыными значительной части родовых вотчин, переходящих в руки Троицкого монастыря и светских владельцев. В частности, сельцо Новое на р. Кунье в первой половине XVI в. несколько раз делилось между родичами и по кускам отчуждалось в Троицкий монастырь (ОГКЭ, IV, №№ 849, 851, 856, 947, 948). Из материалов межевой книги явствует, что к середине XVI в. Скрипицыны потеряли и с. Титовское.

¹¹⁰ В разезде 1504 г. на земли Переяславского уезда упоминается «деревня Кукарино Русина Иванова сына Вешнякова Айгустова» (ДДГ, № 94); Бутеневы впервые упоминаются в актах в 1524/25 г. (ОГКЭ, IV, купчая № 917 и меновная № 1128).

В 1523/24 г. впервые упоминаются Свеженины, развехавшие свои земли с Троицким монастырем (ОГКЭ, IV, № 1205). Не исключена возможность, что предок этих Свежениных — Елизар Косьяк Солонинин, известный в самых ранних верхдубенских актах XV в. (АСЭИ, I, №№ 19, 60, 259). В пользу такого недоказуемого предположения говорит (кроме географического совпадения) странная антитеза этимологии прозвищ (Солонинин—Свеженин),

К числу родовых вотчинников относится и Иван Юрьевич Грязной (вотчина с. Шубино с деревнями, №№ 183, 184) — выходец из крупного боярского рода Ховриных.¹¹¹ Старинными местными землевладельцами, но не вотчинниками, а помещиками являются также Турчаниновы (№№ 194, 211).¹¹² Д. Бутурлин и И. Собакин владеют с. Богородским как приданым своих жен — дочерей князя Оболенского-Щербатого, женатого на дочери Ф. А. Плещеева-Чешихи, родового вотчинника с. Богородского.¹¹³ Таким же на-

частая у родичей, а также то обстоятельство, что один из Свежениных вышеупомянутого акта XVI в. назван Солониной: «Да мое Ивановы Солонины (деревни, — Ю. А.) Михальцова». Крайя Свеженин, упоминаемый в межевой книге (№ 171), — это Андрей Ивагов сын, известный как послух в этих же местах в 20—30-е годы XVI в. (ОГКЭ, IV, № 1206; АСБВ, № 754 и др.).

В конце XV в. впервые в актах упоминается Вакорин (Яков Васильев сын), сын боярский великого князя на разъезде верхдубенских земель (АСЭИ, I, № 559).

В 1528/29 г. в верхдубенских актах впервые появляется имя Соколовых — это Обляз Булгаков сын, послух в одной из местных сделок (ОГКЭ, IV, № 853). Упоминаемый в межевой книге Дмитрий Соколов известен в актах с начала 30-х годов XVI в.: в 1533/34 г. он — судья великого князя, разездчик земель Троицкого Махришского монастыря (там же, № 1200); в 1537/38 г. — послух в земельном акте в Марининой Слободе (там же, № 974).

¹¹¹ Согласно родословцам, Грязные — потомки князя Стефана Васильевича, «пришедшего» при Дмитрии Донском «из Судака, Манкупа и Кафы» (ВОИДР, стр. 89). И. Ю. Грязной — правнук Владимира Григорьевича Ховрина, боярина великого князя Ивана Васильевича и внука родоначальника. Для характеристики общественного положения Ховриных-Грязных в первой половине XVI в. можно указать, что двоюродная сестра Ивана Юрьевича, Дарья, была замужем за Н. Р. Захарыным-Юрьевым, братом царицы Анастасии (там же, стр. 90). Отец Ивана Юрьевича, Юрий Дмитриевич, уже владел землями на р. Кунье: его земля Курюковская упомянута в деловой грамоте 1541/42 г. на с. Богородское на р. Кунье (ОГКЭ, IV, № 950). Связи Ховриных с Переяславским уездом, может быть, гораздо старше: уже в 1458 г. боярин Владимир Григорьевич был послухом при одной из переяславских сделок митрополичьего дома (однако нельзя сказать, в качестве ли местного землевладельца или как боярин) (АФЭХ, I, № 126).

¹¹² В 1510/11 г. при разъезде земель скрипицынской вотчины на р. Кунье упомянута «Турченинова земля» (ОГКЭ, IV, № 992). Смысл этого упоминания раскрывается в последующих актах: в 1518/19 г. в купчей грамоте, относящейся к тем же владениям, названа земля «Исупова» (АСБВ, № 521), а в 1525/26 г. послухом одного из актов Верхдубенского стана является Урак Исупов сын Турчанинова (ОГКЭ, IV, № 998). Таким образом, земли Исупа Турчанинова были на р. Кунье уже в самом начале века. Его сыновья — Урак и, возможно, также Жибрик и Казна, известны как помещики в 1536 г. Упоминаемый в межевой книге Жибриков Иван представляет не менее чем третье поколение Турчаниновых — переяславских землевладельцев.

¹¹³ С. Богородское, часть огромных Плещеевских вотчин, досталось Федору Чешихе по духовной его отца, А. М. Плещеева (АСЭИ, I, № 562). В начале XVI в. эта вотчина была по половинам дана в приданое дочерям Федора — княгине Анастасии Оболенской-Щербатой и княгине Ирине Хованской, затем посредством выкупа соединилась в руках первой из них (ОГКЭ, IV, №№ 994, 995, 1515—1517 гг.). Раздел вотчин между зятями княгини Оболенской произошел в 1541/42 г. (там же, № 950).

следником старинных владельцев является, вероятно, и Богдан Мякишев, вотчинник д. Вальцовой — приданого его матери, урожденной Скрипицыной.¹¹⁴ Не исключена возможность, что вотчинник д. Палино князь Ф. И. Ряполовский-Татев владеет ею тоже по наследству от бабки, Ульяны Зворыкиной.¹¹⁵

Остальные соседи троицких вотчин известны в актах не ранее, чем с 1530-х годов. Самым значительным из этих новых владельцев является Иван Михайлович Висковатый — выдающийся деятель правительства 50—60-х годов.¹¹⁶ Согласно межевой книге, И. М. Висковатому принадлежит в Верхдубенском стану вотчина с. Титовское с деревнями. С. Титовское — на р. Дубне, немного выше устья р. Куньи — в начале XVI в. было вотчиной Скрипицыных Ивановых детей, разделившихся между 1505 и 1510/11 гг.¹¹⁷ В 50-х годах, таким образом, в руках И. М. Висковатого оказался центр старинной вотчины детей боярских. Но село на левом берегу р. Дубны — только часть новой вотчины этого «землей владеющего» дьяка. За р. Дубной, в Шуромском стану, ему принадлежит бывшая вотчина Владимира Морозова сельцо Настасьино с деревнями.¹¹⁸ Другой дьяк, Федор Семенов, является одним из помещиков д. Орефино.¹¹⁹ Его «товарищ» по поместью, Ушак Раков — возможный родич Третьяка Дубровина-Ракова, дворцового дьяка.¹²⁰

¹¹⁴ В начале XVI в. д. Вальцово входила в состав вотчины Скрипицыных-Балуевых на р. Кунье (сельцо Новое); в 1510/11 г. при разделе этой вотчины она досталась Анне, вдове Фомы Тарбея (ОГКЭ, IV, № 947). В акте 1536/37 г. Василий Александров сын Мякишев, отец Богдана, упоминаемого в межевой книге, назван зятем Анны (АСБВ, № 775; ОГКЭ, IV, № 868); ср.: ПКМГ, I, стр. 820.

¹¹⁵ И. М. Зворыкину, мужу Ульяны, принадлежала большая вотчина в Верхдубенском стану, с. Бужениново. В 40-х годах XVI в. послухами в одном из переяславских актов Ульяны являются ее «внучата» — трое князей Ряполовских-Татевых (ОГКЭ, IV, № 861).

¹¹⁶ Общую характеристику И. М. Висковатого см.: И. И. Смирнов, ук. соч., стр. 257—261.

¹¹⁷ Интересная деловая грамота Скрипицыных (ГКЭ, № 8817) в сокращенном виде издана Шумаковым (ОГКЭ, IV, № 946). В датировку грамоты, предложенную Шумаковым (1505—1533), можно внести уточнение, основываясь на том, что писавший грамоту Тарбей Скрипицын в 1510/11 г., по-видимому, уже умер: в деловой грамоте этого года (ОГКЭ, IV, № 947) фигурируют его жена и дети, а о нем самом ничего не говорится.

¹¹⁸ Эта вотчина была впоследствии отобрадена у Висковатого и дана Щелкаловым, а от них в 1568/69 г. поступила в Троицкий монастырь (ОГКЭ, IV, № 872).

¹¹⁹ ДРК, стр. 189, 213; ТК-ТД, стр. 115; ОГКЭ, IV, № 1452.

¹²⁰ Дьяк Третьяк Раков — см.: АСБВ, № 869; Н. П. Лихачев. Разрядные дьяки XVI в. СПб., 1888 (по указателю). Раковы известны в Тысячной книге и Дворовой тетради, но Ушак среди них не назван. Согласно «рописи сошных окладов» 1540-х годов за Ушаком Раковым Константиновым сыном — поместье в Московском уезде, в Радонеже-Белех (АСБВ, № 899).

Помещик Григорий Ловчиков (деревни Гахово и Ржанниково, №№ 182-а, 213) — будущий опричник.¹²¹ Его вотчины видны в разных уездах, в том числе и в Переяславском, но только во второй половине XVI в. Помещик с. Ясакова Кузьма Морин (№ 205) принадлежит к довольно видному служилому роду, представители которого известны в XVI в. в нескольких уездах, в том числе и в Переяславском.¹²² Михайловы Тимофеевы дети Андрей и Полуект (вотчина д. Лукьяново, №№ 180 и 182) известны как дворовые дети боярские по Переяславу.¹²³ Федор Волосатый (помещик-совладелец сельца Матвеева, № 183), возможно, является родичем Андрея Волосатого, ямского дьяка, известного в 1510—1526 гг.¹²⁴

В акте начала XVI в. упоминается земля великого князя «Воскресение Росолово».¹²⁵ Это, несомненно, то село, которым в середине XVI в. владеют братья Росоловы. Чем объясняется совпадение местной топонимики с именем владельцев — не вотчинников, а помещиков? Ответ на этот вопрос можно предложить лишь гипотетический. Или уже в 1510/11 г. здесь было поместье (это представляется маловероятным — в начале XVI в. поместья обычно назывались поместьями, а не землями великого князя; ср. в этом же районе земли Исуповых-Турчаниновых) или поместное владение дано выходцам из этих же мест, возведенным таким образом в ранг феодалов.

¹²¹ В. Б. Кобрин, ук. соч., стр. 46. В Дворовой тетради он числится по Можайску, а его однофамилец и вероятный родич Григорий Пахов — по Дмитрову (ТК-ТД, стр. 185).

¹²² В 1531/32 г. на Рязани «в городе с наместником» был Мора Митин (ДРК стр. 83). В 1542 г. «на докладе» одного частного акта у боярина кн. Ю. М. Булгакова был Иван Мора Дмитриев сын Кузьмин (АСБВ, № 859), видимо, то же лицо. В Дворовой тетради названы, вероятно, сынозья его — Морины Ивановы дети Сила (по Переяславу) и Кузьма (по Бежецку) (ТК-ТД, стр. 140 и 203). К другой линии Мориных принадлежит Юрий Афанасьев сын — тысячник III статьи по Переяславу (там же, стр. 68) Этого же Юрия Афанасьева можно видеть и в Дворовой тетради по Переяславу как «Юрия Афанасьева Кузьмина» (там же, стр. 140). В акте 1540-х годов он назван Юрием Афанасьевым сыном Дмитриева Кузьмина, из чего вытекает, что он приходится Ивану Море племянником. В Московском уезде в 40-х годах ему принадлежит с. Репехово (АСБВ, № 899), а в Переяславском, по разбираемой межевой книге, — вотчина в Кинеле. Другая ветвь Мориных, возможно просто однофамильцы, — Семен Андреев сын и его дети — известна в Волоцком уезде (АФЭХ, II, №№ 182, 252 и др.).

¹²³ ТК-ТД, стр. 140. Может быть, это дети дьяка Тимофея Федорова Михайлова, за подписью которого дана правая грамота Троицкой Махришскому монастырю в 1534 г. (ОГКЭ, IV, № 1243); ср.: Н. П. Лихачев. Разрядные дьяки XVI в., стр. 121.

¹²⁴ Н. П. Лихачев. Разрядные дьяки XVI в., стр. 57. Волосатые известны в Переяславе в XVII в., а в конце XVI в. — в Кашире (ОГКЭ, IV, №№ 989 и 1089; ПКМГ, II, стр. 1528).

¹²⁵ АСБВ, № 434, 1510/11 г.

Сведений о происхождении Песикова (вотчина д. Ведерниково, № 170), Истомина (вотчина д. Черновская, № 171), Немцева (поместье — пять деревень, №№ 174 и 198), Кондратьева (№ 201) и Лаврентьева (помещик-совладелец д. Орефино, № 195) в актах XVI в. отыскать не удалось. Точно так же остается неустановленным, когда и при каких обстоятельствах д. Сосновец стала вотчиной Шеинных, видного боярского рода, родичей Морозовых.¹²⁶ Другие владения Шеинных в Переяславском уезде не известны.

Последняя группа межеваний, связанных с Переяславским уездом, посвящена землям Кинельского стана.

Как свидетельствует актовый материал, основным моментом аграрной истории Кинеля в XV—начале XVI в. является сильное развитие феодального землевладения (в виде монастырских и светских вотчин, а также княжих дворцовых сел) при сохранении значительного массива волостных земель (Площевская волость великого князя).¹²⁷ С 1497 г. в состав земель великого князя попа-

¹²⁶ ВОИДР, стр. 180.

¹²⁷ Наличие в Кинельском стану черных волостных и дворцовых княжих земель, качественно отличных друг от друга, устанавливается на основании духовной великой княгини Софьи Витовтовны: «А к святеи и живоначальной Троице в Сергиев монастырь даю села Кинельские, Чечевкино да Слотино, и иньи все свои села Кинельские, оприсно тех всех пустошей, что ми был к тем моим селом дал волостныи пустоши сын мои, великий князь, в те ся пустоши игумен с братьею не вступают, да оприсно и суда, суд княжеский» (ДДГ, № 57, ранее 1453 г.). Таким образом, «села Кинельские», в частности Чечевкино и Слотино, отличаются от «пустошей волостных», хотя при жизни великой княгини в состав ее владений входили и те, и другие. Отличие это заключается в том, что только «села» являются полной феодальной собственностью владелицы и объектом ее бесконтрольного распоряжения, в то время как «пустоши волостные» завещаны ею быть не могут: они ей не принадлежат. Как и «суд» в селах, распоряжение этими пустошами — монополия государственной власти в лице великого князя. В состав владений великой княгини «пустоши волостные» входят на правах пожизненного «удела» (как часть государственной территории), а не на правах «опричнины» (как «собственные княгинины примыслы, ее прикупы, или то, что великий князь «положил на ее воле»).

Земли и люди Площевской волости упоминаются в ряде актов XV—начала XVI в. Известен разезд площевских земель с монастырской вотчиной в 60-х годах (на отводе были «все площевичи») и несколько столкновений площевичей с монастырскими властями в 70—80-х годах (АСЭИ, I, №№ 328, 421, 422). Последнее известное упоминание о Площевской волости как о самостоятельной единице относится к 1517/18 г., когда Григорий Сназин, «князь Александров посельский Володимировича Ростовского во государя своего место князя Александра Володимировича» и площевские крестьяне, с одной стороны, а владыка Троицкого монастыря — с другой, «разъехали... землю великого князя Площевского села... с монастырскою землею» (АСБВ, № 512). В этом документе непонятно, в каком отношении к Площевской волости находится кн. Александр Владимирович Ростовский, который был в это время боярином (см.: Древняя Российская Вивлиофика, ч. XX, изд. 2-е М., 1791; далее — ДРВ), и почему Г. Сназин выступает в качестве его «посельского». Такая терминология может навести на мысль, что Площево находится во вла-

дают села Тимофеевское, Микульское и Суровцево, принадлежавшие до того времени волоцким князьям.¹²⁸

Сопоставление данных межевой книги с актовым материалом свидетельствует об изменениях, происшедших в землевладении Кинельского стана за первые десятилетия XVI в. Эти изменения заключаются, в частности, в переходе бывших «земель великого князя» в руки светских феодалов — представителей крупных боярских и княжеских родов. Так, на месте Площевской волости появилась вотчина кн. М. В. Глинского. В боярские вотчины превратились села Тимофеевское и Суровцево. Эти факты свидетельствуют, вообще говоря, о расширении сферы феодального землевладения. Однако наблюдения над последними двумя селами необходимо дополнить.

Села Тимофеевское и Суровцево в начале XV в. составляли часть огромных вотчин бояр Голтыевых: вдова Ф. Ф. Голтяя Мария завещала эти села своему правнуку кн. Борису Васильевичу Волоцкому,¹²⁹ у детей которого их выменял в 1497 г. великий князь.¹³⁰ Таким образом, на протяжении ста лет Тимофеевское и Суровцево несколько раз меняли своего владельца: из боярской вотчины они превратились в собственность удельных князей, затем вошли в состав «земель великого князя» и, наконец, снова стали боярскими вотчинами.¹³¹

Материалы межевой книги позволяют наблюдать и факты превращения бывших феодальных вотчин в волостные земли. Так, трицкие владения граничат с землями Слотинской и Стоговской волостей. В XV в. этих волостей не было. Село Слотино, принадлежавшее до середины XV в. великой княгине Софье Витовтне и завещанное ею в Троицкий монастырь,¹³² по каким-то причинам в руки монастыря не попало (или было отчуждено монастырем), и в конце XV в. оказалось во владении частных лиц — Бурце-

дени кн. Ростовского, который управляет селом через своего посельского. Однако документ содержит ясные и неопровержимые доказательства, что и в это время Площево являлось черной «землей великого князя». — Площевское село названо «землей великого князя», разъезд на ряду с княжим посельским делают двое мужей-плошевичей: «великого князя христиане Площевского села» (в то время как монастырские крестьяне на разъезде только присутствуют); «христиане», присутствующие на разъезде, делятся на «великого князя христиан Площевского села» (в числе их двое из Ловчей волости) и «монастырских христиан».

¹²⁸ ДДГ, № 85.

¹²⁹ Там же, № 61.

¹³⁰ Там же, № 85.

¹³¹ Позднее, в последней четверти XVI в., с. Тимофеевское упоминается в источниках опять как «земля царя и великого князя»: в 1579/80 г. царь «взял» вотчину Зубовых и «к своему селу к Тимофеевскому» (ОГКЭ, IV, № 1112).

¹³² ДДГ, № 57.

вых.¹³³ Ближайшими соседями этого села были земли родовых местных вотчинников Стоговых.¹³⁴

Некоторые моменты образования Стоговской волости можно проследить по актам. В конце XV в.¹³⁵ «окняжили землю круг Стоговского монастыря Боланда с товарищи; круг назвали великого князя земля, а налеве — Нестерова (Стогова, — Ю. А.) земля вотчина и его братаничев, Григория Кузмина сына Стогова. . .».¹³⁶ Один из актов начала XVI в. разъясняет причины окняжения и дальнейшую судьбу окняженных земель: здесь устроен ям, к которому и отведена земля — частью монастырская Троицкого монастыря, частью (как видно из предыдущего акта) вотчинная. На окняженной земле появились ямщик Ондрейка и крестьяне («которые на том яму живут», вероятно, так или иначе связанные с устройством, содержанием и деятельностью яма), и сразу же возникло столкновение между жителями новой «волости» и Троицким монастырем: «Тот ямщик и крестьяне отняли у них две деревни Троицкие земли: Карповскую да Фоминский починок, попахали сильно, а пожни покосили, и сена свезли. . .», — жалуются монастырские власти.¹³⁷ Создалась картина, напоминающая многочисленные судебные процессы XV в. между монастырем и старыми волостями — Бармазовской, Мишутинской и др. Особенность данной ситуации в том, что «волость» (волостка) вокруг монастырька св. Николая возникла, так сказать, на наших глазах, и нам известны как ее сугубо утилитарное назначение (ямская служба), так и ее очень небольшие размеры: в разъезжей грамоте 1500-х годов идет речь о 30—96 десятинах пашни и о 30—400 копнах сена (хотя, может быть, это и не вся земля, тянущая к «волости св. Николая чудотворца»). Эта новорожденная волостка-карлик, образованная на вчерашних феодальных землях, похожа на большие ста-

¹³³ В монастырских разъезжих конца XV—начала XVI в. Слотинская земля неизменно фигурирует как земля Бурцевых: в 1471—1482 гг. при отводе троцкого с. Воронина «правая сторона — земля Слотинского села Федкова Бурцева» (АСЭИ, I, № 407); то же и в 90-х годах: «правая сторона — земля Слотинская Федора Бурцова» (там же, № 551); разъезд «окняженной» земли Стоговского яма идет до «Федоровы земли Бурцова до Слотинские» (там же, № 578); так же и развод Стоговской земли (вскоре после 1505 г.): «да врагом вверх до Федоровы земли Бурцова Слотинского села» (АСБВ, № 372). Григорий Бурец купил в 70-х годах «себе и своим детям» землю игумновскую Останковскую — вотчину Остеевых (АСЭИ, I, № 406): эта земля в дальнейшем упоминается в составе с. Слотинского, принадлежавшего его сыну Федору (АСЭИ, I, №№ 407, 551).

¹³⁴ Стоговы, дети братьев Степана и Кузьмы, известны в кинельских актах с 70-х годов XV в. (АСЭИ, I, № 456 и др.).

¹³⁵ По датировке АСЭИ, около 1494/95 г.

¹³⁶ АСЭИ, I, № 578.

¹³⁷ ОГКЭ, IV, № 1205. Разъезжая грамота Волка Борисова и Васюка Шулепова. С. Б. Веселовский вполне обоснованно относит этот документ к первым годам XVI в. (после 1505 г.) (АСБВ, № 372).

ринные волости, известные из актов XV в., только в одном, но в наиболее существенном отношении: над ней, как и над ними, нет «государя» — феодала или посельского старца; крестьяне волостки имеют возможность проявить гораздо больше самостоятельности и инициативы, чем их соседи — жители феодальных вотчин, и сразу же используют эту возможность, пытаясь расширить свои владения. История Стоговской и Слотинской волостей (как и сел Тимофеевского и Суровцева) показывает, каким извилистым путем мог идти в реальной исторической действительности XV—XVI вв. процесс феодализации земли, насколько сложен и многозначен юридический термин «земля царя и великого князя» и сколь разнообразными явления можно наблюдать в рамках и на фоне общего процесса развития феодального землевладения.

Некоторые наблюдения можно сделать и над личным составом троицких соседей в Кинельском стану. Баскаковы,¹³⁸ Зубовы,¹³⁹ Катавасьевы,¹⁴⁰ Клобуковы,¹⁴¹ Напольские,¹⁴² Обуховы¹⁴³ — все эти

¹³⁸ Братья Иван и Данило Баскаковы действуют как послухи в духовной грамоте первой половины XV в., связанной с Кинелем (АСЭИ, I, № 228). В конце XV—первой половине XVI в. в актовом материале видны многочисленные представители разных ветвей этой разросшейся фамилии (АСЭИ, I, №№ 466, 597; ОГКЭ, IV, №№ 960—962, 983—985, 1006, 1011, 1116 и др.).

¹³⁹ Зубовы — вероятно родичи старинных местных вотчинников Петелиных, которым до середины XV в. принадлежало с. Скнятиново; родовая вотчина Зубовых на р. Молокче с. Ивановское упоминается в духовной Марии Петелиной в первой половине XV в. как владение Андрея, брата ее внука Михаила (АСЭИ, I, № 228); через 30—40 лет этим селом владеют Андреевы дети Зубовы — Кузьма и Захарий (там же, №№ 466 и 477), из чего можно заключить, что Андрей духовной Марии Петелиной и Андрей Зубов — одно и то же лицо. В конце XV—первой половине XVI в. в Кинельском стану действуют многочисленные Зубовы (АСЭИ, I, № 597; АСБВ, №№ 472, 485, 512; ОГКЭ, IV, №№ 863, 976, 1208). Во второй половине XVI в. известен поместный дьяк Игнатий Зубов (ПКМГ, I, стр. 607; ПКМГ, II, стр. 1525).

¹⁴⁰ В 80-х годах XV в. кинельский вотчинник Ивашко Алексеев сын Носов говорит на суде: «Диака Катавасьина руки, которой писал духовную отца моего тое... руки грамоту добуду з десять» (АСЭИ, I, № 521). Судя по счету годов в документе, отец Ивашки, Алексей Нос, жил во второй четверти XV в. Следовательно, к этому же времени относится деятельность дьяка Катавасьина или Катавасьина.

¹⁴¹ Клобуковы — потомки Григория Клобука Топоркова, который послушествует в одном из кинельских актов середины XV в. (АСЭИ, I, № 347). Сын Григория Клобука, Тимофей — дьяк великого князя, известный в актах первой трети XVI в. (ОГКЭ, IV, № 1327). В XVI в. целое гнездо Клобуковых служит по дворовому списку с Переяславля (ТК-ТД, стр. 140). Многочисленные Клобуковы — дьяки (см.: Н. П. Лихачев. Разрядные дьяки XVI в., по указателю).

¹⁴² Напольские, Тит и его потомки, фигурируют в ряде актов второй половины XV в. как землевладельцы, «добрые люди соседи» и послухи (АСЭИ, I, №№ 395, 426, 427, 521 и др.).

¹⁴³ Михаил Обух владел лугами на р. Молокче еще до середины XV в. (АСЭИ, I, № 242). Его сын Василий — судья великого князя на сместном

фамилии местных вотчинников известны из актов XV в. Интересно происхождение Григория Ларина, вотчинника деревни Сосняговой. Он, вероятно, выходец из мелких княжих слуг-вотчинников.¹⁴⁴

С начала XVI в. в поле зрения актового материала попадают Вантеевы, Гнездовы и Мантуровы.¹⁴⁵

Наряду с этим межевая книга сообщает также такие имена, которые прежде в кинельских актах не встречались. Князь Гага Ярославский¹⁴⁶ и боярин Яковль¹⁴⁷ (чьа вдова владеет с. Суровцевым) принадлежат к высшему слою московской аристократии первой половины XVI в. Сюда же относится и князь М. В. Глинский — родной брат великой княгини Елены Васильевны, дядя царя Ивана. Выходец из родовых костромских владельцев

суде 60—70-х годов в соседней с Кинелем Марининой Слободе (там же, № 340).

¹⁴⁴ На суде 80-х годов XV в. о церкви Воскресенской в Кинеле (по межевой книге — в сельце Воскресенском Троицкого монастыря) фигурируют в качестве истцов Федька Ларин сын Кривого и Якуш Борода сын Бессоньева. Заявляя свои права на спорную церковь, Ларин и Бессоньев рассказывают о себе судье — великому князю Ивану Ивановичу Молодому: «А мы, господине, были с отцом с твоим, с великим князем, на службе в Новгороде в Великом... мы... зовем ту церковь потому своею вотчиною, кое отцы наши придавали к той церкви свои земли». Другой претендент на церковь, Ивашко Носов, так характеризует эти «земли» (а вместе с ними и имущественное положение дарителей): «Кой будет игумен или поп силен, много всхоchet пахати, и отцы их (истцов, — Ю. А.)... по четверти или по две дадут в поле вспахати, чего сами не возмогут попахати». Стало быть, уж очень «несильны» были «отцы» Ларина и Бессоньева, если вспашка лишней четверти в поле была для них неразрешимой проблемой. В них скорее всего можно видеть малоземельных княжих слуг-вотчинников. В пользу родства Федьки Ларина 80-х годов XV в. и Григория Ларина межевой книги говорит полное совпадение географического района их деятельности. Интересно отметить, что сельцо Ларино принадлежит не Григорию, а Троицкому монастырю, которому оно досталось, видимо, недавно, так как еще в 1541/42 г. им владеют вотчинники Племянниковы (АСБВ, № 871). Здесь же рядом — д. Бессоньево, принадлежащая уже не потомкам Якуша Бессоньева, а известным местным вотчинникам Баскаковым.

¹⁴⁵ Григорьевы дети Вантеевы в 1504 г. присутствуют на разъезде Кинельских земель (АСЭИ, I, № 656); Алексей Поспел Иванов сын Гнездова — «человек добрый сын боярский», послух и писец грамот в соседней Марининой Слободе в 1515—1525 гг. (АСБВ, №№ 485, 512; ОГКЭ, IV, № 1199). Имя Мантуровых впервые упомянуто в 1509 г., когда Истома Леонтьев сын Мантуров был послухом при земельной сделке в соседней с Кинелем мирнополичьей волости (АФХЗ, I, № 131).

¹⁴⁶ Князь Василий Гага Андреевич Ярославский — внук кн. П. В. Шестунова, дворецкого великого князя Ивана Васильевича (ВОИДР, стр. 56); в 40—50-х годах XVI в. он участвует во многих походах в качестве воеводы (ДРК, стр. 123, 130, 133, 143 и др.).

¹⁴⁷ Петр Яковль — выходец из рода Федора Кошки, сын Якова Захарьича, боярина и воеводы великого князя Ивана Васильевича (ВОИДР, стр. 88), и сам боярин.

Алексей Адашев,¹⁴⁸ один из главных деятелей правительства 50-х годов, владеет вотчиной с. Василевским (№№ 221 и 224).

Постник Губин — большой дьяк,¹⁴⁹ владеет вотчинными деревнями Болкошиным и Иванишковым (№№ 251, 253). Один из немногих кинельских помещиков Петр Хлуднев (поместье д. Станово, № 239) принадлежит к боковой (и довольно захудалой) ветви боярского рода Кошкиных.¹⁵⁰ Таратины¹⁵¹ (вотчина сельцо Микрюково и сельцо Михайлово, №№ 218, 237, 238) и Ямщиковы¹⁵² (вотчина д. Бревново, № 255) известны в актах с середины XVI в. В других уездах их имена не встречаются, что говорит, может быть, о их местном происхождении. Новым владельцем в Переяславском уезде является Устинов (вотчина д. Нероново, №№ 245, 256).¹⁵³ Никаких сведений о Морхиных (поместье д. Новинки, № 236) и Пескишовых (вотчина д. Татариново, № 227) обнаружить не удалось.

Таким образом, личный состав феодалов Кинельского стана за первую половину XVI в. обновлен и расширен главным образом за счет появления новых вотчин крупных бояр и видных правительственных деятелей. Вместе с тем можно установить, что в отдельных случаях старые родовые вотчинники выступают и как владельцы поместий. Развитие феодального землевладения в первой половине XVI в. происходило в Кинеле в условиях, близких к соседнему Верхдубенскому стану. Основное из этих условий — сильная степень феодализации уезда уже к началу XVI в.: господство светской и церковной вотчины и сравнительно небольшое количество «земель великого князя». Поэтому естественно, что и результаты этого развития к концу 50-х годов в обоих станах были в общих чертах сходными. В Кинеле, как и в Верхдубенье, среди сосе-

¹⁴⁸ Н. П. Лихачев. О происхождении А. Ф. Адашева. Исторический вестник, 1890, май.

¹⁴⁹ Н. П. Лихачев. Разрядные дьяки XVI в., по указателю; ТК-ТД, стр. 115.

¹⁵⁰ Иван Хлуден — сын Александра Елки, второго сына А. И. Кобылина, родоначальника Кошкиных (ВОИДР, стр. 87). Потомки Ивана Хлуденя в XV в. в Переяславском уезде не встречаются, но по Дворовой тетради пятеро Хлуденевых служат с Переяслава, кроме того, трое — с Бежецкого Верха, один — с Вязьмы и один — с Волоцка (ТК-ТД, стр. 139, 177, 189, 204).

¹⁵¹ Таратины Иван Михайлов и сын его Иванец — дворовые дети боярские по Переяславу (ТК-ТД, стр. 140). Во второй половине XVI в. известны связи Таратиных с Троицким Махрищским монастырем (ОГКЭ, IV, №№ 829, 830, 831). На карте XIX в. сохранилось название д. Таратиной.

¹⁵² Деревня Федора Ямщикова упоминается в деловой грамоте на сельцо Ларино 1541/42 г. (АСБВ, № 871).

¹⁵³ Алексей Устинов купил д. Нероново в 1550/51 г., а в 1563/64 г. променял ее Козловым (ОГКЭ, IV, №№ 1008 и 1132).

дей Троицкого монастыря по межевой книге решительно преобладают вотчинники. Поместное держание широкого распространения не получило. Оно тесно, персонально и географически, связано с вотчинным владением.

Ознакомление с материалами межевой книги приводит к выводу, что за первую половину XVI в. в истории аграрных отношений Переяславского уезда произошли заметные перемены. Сущность этих перемен заключается прежде всего в сокращении количества черных земель — росте феодального землевладения, а также в изменении состава феодалов-землевладельцев.

Подсчет показывает, что на пограничной с троицкими вотчинами полосе бывших черных волостных земель разместилось двадцать феодальных владений, в состав которых входят 11 сел и селец и 56 деревень и пустошей. Из этих 20 владений 12 являются поместьями, 8 — вотчинами.

Две вотчины являются, по-видимому, старыми владениями, существовавшими в начале века: вотчина Симонова монастыря и вотчина Софонтьевых. Время появления вотчины Никитского монастыря установить не удастся. Из пяти оставшихся вотчин две — князя Гаги и Петра Яковля — образованы на сильно окняженных, вероятно дворцовых, землях сел Тимофеевского и Суровцева. Вотчина кн. М. В. Глинского носит характер исключительного пожалования ближайшему родственнику царя и великого князя. Две вотчины принадлежат монастырям, одна — ближайшему родичу царя, две — крупным боярам (кн. Гага и П. Яковль), две — представителям видной служилой фамилии (Писемские), одна — видимо, рядовому служилому человеку (Софонтьев). Четыре вотчины (кн. Глинского, кн. Гаги, Петра Яковля и Никитского монастыря) можно отнести к крупным, остальные (Симонова монастыря, Писемских и Софонтьева) — к средним и мелким феодальным владениям. Создается впечатление, что черные земли даются в вотчину преимущественно представителям верхов феодального государства и монастырям. Образование на черной земле вотчины рядового служилого человека, по-видимому, в первой половине XVI в. для Переяславского уезда не типично.

В поместном владении в пограничной полосе на бывших черных землях находится 6 сел и селец и 29 деревень и пустошей. Из пятнадцати помещиков один (Б. С. Замытский) принадлежит к боярскому роду, один (кн. Т. И. Козловский) — к захудалому княжескому, трое помещиков: Клобуков, Семенов и Раков — представители дьяческого аппарата, остальные десять — видимо, рядовые служилые люди. В размерах поместий можно наблюдать относи-

тельно большее единообразие, чем в размерах вотчин. Не известно, в частности, случая превращения какого-либо крупного куска волостной территории в одно поместье. Если Площевская волость целиком пожалована в вотчину кн. Глинскому, то только на части территории Бармазовской волости образованы по крайней мере пять поместий, а на части Гавинской волости — три. Таким образом, в раздаче черных земель в поместье можно наблюдать как будто больше однородности и систематичности, чем в пожаловании их в вотчину. Следует обратить внимание, что в поместную раздачу поступают земли в тех районах, где прежде черное землевладение господствовало. Из двенадцати поместий десять расположены на бывших черных землях Бармазовской, Гавинской и Мишутинской волостей и только два — на землях Верхдубенского стана, в котором феодальное землевладение развилось давно. В то же время из восьми вотчин три наиболее крупные — в районах старого феодального землевладения, и только две новые вотчины (Писемских) — среди бывших массивов черных земель Мишутинской волости.

Как свидетельствуют материалы межевой книги, основной момент в истории переяславских волостных земель в первой половине XVI в. — это массовая передача их в поместное и вотчинное владение. Из пяти волостей, известных в изучаемом районе по источникам до начала XVI в., одна (Гавинская) потеряла значительную часть своих земель, а две (Бармазовская и Площевская), по-видимому, полностью прекратили свое существование. Возможно, исчезла и Мишутинская волость, о которой больше не упоминается. Хотя на территории уезда волостные земли еще сохранились (Заборская и Гавинская волости, известные из старого материала, а также вновь упоминаемые волости Енотская, Нутская, Ясневская, Слотинская и Стоговская), удельный вес черных земель в общем балансе землевладения не мог не понизиться в значительных размерах. Дело, однако, не только в уменьшении количества «земель царя и великого князя». Как показывают приведенные материалы, термин «земля царя и великого князя» покрывает различные исторические явления: волостные земли, сохраняющие черты волостной организации (что особенно характерно для XV в.: Бармазово, Мишутино и др.), бывшие феодальные владения, тем или иным путем потерявшие своего владельца (Слодино и др.), земли служебного назначения (Стоговская «волость»).

«Черная волость» в собственном смысле слова является, таким образом, в изучаемое время одной из разновидностей «земель царя и великого князя». Как показывает, наряду с другими материалами, межевая книга, общая тенденция аграрной истории заключается в сокращении количества черных земель. И на р. Нерли, и на Дубне, и на Молокче виден процесс превращения черных воло-

стей в феодальные поместья и вотчины. Отписывание на «царя и великого князя» бывших вотчинных земель — другая сторона этого же процесса. Земли, попадающие тем или иным путем в руки «царя и великого князя», в XVI в. уже не волостные в прежнем значении этого слова. Сближает их со старыми волостями основной момент в социальной характеристике — отсутствие частного собственника-феодала с его аппаратом (что делает в принципе возможным существование на этих землях тех или иных элементов волостной организации). Однако правительство XVI в. склонно рассматривать такие земли прежде всего как фонд для испомещения своих служилых людей и для других потребностей. Термин «земля царя и великого князя» постепенно наполняется в центральном уезде — районе интенсивной феодализации — новым содержанием; по мере исчезновения старой волости «земля царя и великого князя» все в большей степени превращается в совокупность дворцовых сел и конфискованных вотчин, ждущих раздачи новым владельцам. Материалы межевой книги говорят, таким образом, об упадке черной волости.

В межевой книге упомянуто 42 фамилий помещиков и 48 фамилий вотчинников (персонально 53 помещика и 80 вотчинников) — соседней земель Троицкого монастыря. Из общего числа этих фамилий 24 фамилии (49 лиц) вотчинников и 16 фамилий (22 лица) помещиков известны на переяславских землях ранее 1530 г.

Принятие такого хронологического рубежа обусловлено соображениями двоякого рода. Во-первых, время 30—50-х годов составляет определенную эпоху в политической истории Русского государства, которая могла найти так или иначе отражение и в области аграрных отношений. С другой стороны, период в 28—29 лет, отделяющий избранный хронологический рубеж от даты составления межевой книги, является отрезком времени достаточно крупным (временем активной деятельности одного поколения) для того, чтобы заметно отразиться в наших основных источниках о личном составе феодалов — в монастырских актах.

Устанавливая деление землевладельцев межевой книги на «старых» и «новых», необходимо иметь в виду всю условность этого деления. Если в группу «старых» землевладельцев действительно не может просочиться ни один из тех, кого не было в Переяславском уезде ранее 1530 г., то в группе так называемых новых феодалов вполне вероятно могут оказаться лица, имевшие землю здесь значительно раньше 1530 г., но почему-либо не попавшие на страницы источников. Причина такого явления заключается в особенности коллекции монастырских актов, в которой имена светских вотчинников и помещиков отражаются только в зависимости от их связей с монастырем.

«Старых» вотчинников можно охарактеризовать с нескольких точек зрения. Прежде всего можно выделить небольшую группу лиц боярского происхождения: Замытский, кн. Ярославский-Пенков, Плещеев-Басманов, Ховрин-Грязной. Носители этих фамилий, принадлежащие к высшей родовой знати, владеют огромными вотчинами на протяжении многих поколений. Остальные двадцать фамилий «старых» вотчинников относятся к более или менее рядовым служилым людям ранга детей боярских, одиннадцать из них (Баскаковы, Зубовы, Катавасьевы, Клобуковы, Ларины, Напольские, Обуховы, Редриковы, Рябинины, Скрипицыны, Уполовниковы) принадлежат к наиболее старому хронологическому слою, восходя к середине и даже к началу XV в. Это в полном смысле слова коренные родовые вотчинники.

Представители семи «старых» вотчинных фамилий известны в межевой книге и как помещики, в том числе один (Б. С. Замытский) боярского рода, остальные (Баскаковы, Клобуковы, Напольские, Редриковы, Скрипицыны, Собакины) принадлежат к родам «детей боярских». Поместья этих лиц, как правило, расположены в непосредственной близости от их родовых вотчин и служат, таким образом, своего рода дополнением к родовому землевладению этих фамилий.

В составе «старых» вотчинников можно смутно проследить и некоторые моменты социальной динамики. Необходимо отметить прежде всего значительную служилую дьяческую прослойку: из Катавасьевых один дьяк был известен еще в XV в.; выходцы из Зубовых, Клобуковых, Онаньиных, Скрипицыных служат дьяками в XVI в. Ларины стали феодалами только в XVI в., так как еще в конце XV в. один из них выступал на судебном процессе как мелкий княжой слуга — «своеземец».

Из общего числа «старых» помещиков (всего 16 фамилий) следует прежде всего выделить лиц, принадлежащих к фамилиям местных вотчинников. Кроме семи фамилий, упомянутых выше в этом качестве, к ним следует отнести еще Корсаковых и Стрелковых. Из семи оставшихся фамилий две (Петровы и Турчаниновы) принадлежат своего рода «родовым», наследственным помещикам, известным в этом качестве еще в первой четверти XVI в. И те и другие — не коренные переяславичи: Петровы — новгородцы, Турчаниновы — видимо, из турок. На примере Росоловых можно ставить вопрос о пополнении класса феодалов за счет повышения социального статуса местных жителей.

Переходя далее к характеристике «новых» вотчинников, можно также начать ее с выделения боярской прослойки. К ней принадлежат семь человек: Бутурлин, Воронцов, кн. Гага Ярославский, кн. Глинский, кн. Ряполовский-Татев, вдова Шеница, вдова Яковля. Остальные 12 вотчинных фамилий (включаящие 24 лица) отно-

сятся к числу «рядовых». Значительно сложнее обстоит дело с дальнейшей характеристикой этой группы землевладельцев. При попытках анализа «новых» вотчинников естественно возникают вопросы, откуда они произошли и как появились в Переяславском уезде. Однако по состоянию материалов эти вопросы поддаются решению только в отдельных частных случаях.

Так, в частности, известно, что литовский выходец князь Глинский был пожалован вотчиной в Кинельском стану. В том же стану образовались вотчины высших представителей московской служилой знати: П. Яковля и кн. Гаги Ярославского. Можно установить происхождение некоторых рядовых вотчинников из землевладельцев других уездов (Базаровых — из Новгорода, Мориных — из Бежецка или Волока, Адашева и Писемских — из Костромы).

Появление некоторых вотчин можно поставить в связь с политическими событиями эпохи. Так, кн. М. В. Глинский был пожалован в вотчину целой Площевской волостью, по всей вероятности, как ближайший родственник царя и великого князя. Можно с некоторой долей вероятности предположить, что появление вотчин Адашева, Висковатого, а также Писемских связано с блестящей служебной карьерой этих лиц в 40—50-х годах. Может быть, не без влияния политической ситуации образовались на старинных дворцовых землях крупные вотчины Яковля и кн. Гаги. Но в конечном итоге это все только более или менее шаткие предположения, которые нельзя подтвердить ссылками на свидетельства источников. Более того, время и характер появления всех остальных «новых» вотчин установить не удастся даже гипотетически. Чертой, которую удастся вскрыть в составе новых вотчинников, является значительная дьяческая прослойка. Представители пяти вотчинных фамилий, т. е. почти одной трети общего их числа (не считая бояр), связаны с верхушкой бюрократического аппарата централизованного государства (Висковатый, Губин, Михайлов, Писемский; к этой группе принадлежит и митрополичий дьяк Коротев).

Немного данных можно извлечь и из анализа многочисленной группы (26 фамилий — 31 лицо) «новых» помещиков. Первая черта этой группы — полное отсутствие в ней представителей боярства. Трое захудалых смоленских княжат и потомок давно упавшего боярского рода могут рассматриваться как вполне типичные мелкие феодалы — дети боярские. Характерной чертой новых помещиков является, по-видимому, их неродовитость, незнатность. Именно этим, вероятно, объясняется, что о происхождении и службах девяти помещиков из двадцати шести не удается найти известий в источниках (Васильев, Кондратьев, Кряковский, Лаврентьев, Немцов, Николаевы, Фатеев, Федосеев, Юсов). Наряду с ними

можно более или менее надежно определить группу лиц, известных как землевладельцы в других уездах. Это новгородские помещики Забелины, Нороватые и Пановы, старинные суздальские вотчинники Хвостовы, боровчане Хомяковы. С ними можно сопоставить смолян Беликовых, а также Ловчиковых, имевших вотчину в Дмитровском уезде, и Мориных — бежецких или волоцких вотчинников. Вотчины в Переяславском уезде есть только у Ловчикова, Мориных и, может быть, у Нороватых. Любопытно отметить в числе «новых» помещиков троих дьяческого происхождения (Волосатый, Раков, Семенов) и будущего видного опричника Ловчикова. Представляет интерес также участие выходцев из «новых» поместных фамилий в местной уездной администрации (городовой приказчик Ю. Забелин, судья Н. Нороватый).

Подводя итоги рассмотрению личного состава переяславских землевладельцев, поименованных в межевой книге, следует еще раз подчеркнуть условный и приблизительный характер этих итогов, который определяется как состоянием источников, так и локальным характером материала. С учетом этой необходимой оговорки результаты изучения переяславских землевладельцев представляются в следующем виде.

В составе феодалов значительна прослойка помещиков: их немногим менее половины из общего числа землевладельцев. Однако хронологическое и географическое соотношение между обеими формами феодального землевладения далеко не равномерно. В «старой» группе землевладельцев вотчинники решительно преобладают над помещиками; в «новой» группе соотношение благоприятно для помещиков. Это говорит, мне кажется, о том, что роль поместья как формы феодального землевладения возрастает. Поместные владения господствуют в районах бывших черных земель (Бармазово, Кистьма, Мишутинский стан). Они же преобладают и в Новосельском стану. Напротив, в районах старинного вотчинного землевладения (Верхдубень и Кинель) решительно господствуют вотчины.

Такой характер географического распределения поместий и вотчин позволяет прийти к выводу, что поместье как форма феодального землевладения растет в первую очередь за счет черных волостных земель. Переход в поместье бывших вотчинных земель является в первой половине XVI в. сравнительно второстепенным источником для роста поместного землевладения.

В личном составе помещиков решительно господствуют мелкие феодалы — дети боярские: из 42 фамилий помещиков к боярским можно отнести только одну (тогда как из 48 вотчинных фамилий 11 являются боярскими). Таким образом, поместье может рассматриваться как новая и развивающаяся форма феодального землевладения.

Наряду с этим новые явления можно наблюдать и в истории переяславских вотчин. Получение поместий коренными переяславскими вотчинниками, рост числа дьяков-вотчинников,¹⁵⁴ появление на переяславских землях вотчин «новых людей», активных деятелей нового правительства — вот черты, отражающие возрастающее влияние централизованного государства на аграрные отношения в уезде.

¹⁵⁴ Фигура дьяка землевладельца не является, вообще говоря, новостью. Еще в первой половине XV в. на переяславских землях известны вотчины Андрея Ярлыка, великокняжеского, а затем митрополичьего дьяка (АСЭИ, II, № 354; АСЭИ, I, № 326). Но этот старый дьяк — только архаический прообраз дьяка-землевладельца эпохи централизованного государства. Как мы видим, этот последний известен на переяславских землях в двух разновидностях: с одной стороны, заметно приобретение земли дьяками, которые таким образом превращаются в вотчинников; с другой стороны, можно наблюдать, что представители старых вотчинных фамилий становятся в ряды новой бюрократии. Именно в этом последнем явлении отражается, на мой взгляд, новый момент в развитии класса феодалов.